

БЕРНАР ВЕРБЕР

Юмор — смех циклопа
тот же экзорцизм.
Он изгоняет то,
что вызывает
у нас страх.



Бернар Вербер
Смех Циклопа
Серия «Бесконечная
Вселенная Бернара Вербера»
Серия «Учёные-авантюристы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43678095

*Смех Циклопа:
ISBN 978-5-04-105868-5*

Аннотация

Когда в гримерке после выступления находят тело известного комика Дариуса по прозвищу Циклоп, за расследование берутся журналист Лукреция Нимрод и ее давний друг Исидор Каценберг. Единственные из всех они подозревают, что Циклоп умер не своей смертью. Очень скоро обнаруживается, что в происшествии замешано таинственное сообщество GHL. Кроме того, они находят некий ларец, содержимое которого несет гибель всякому открывшему его. А еще оказывается, что смех – явление куда более загадочное, сложное и опасное, чем принято считать. Неужто смех может убить?

Содержание

Акт I	6
1	6
2	7
3	10
4	12
5	13
6	22
7	24
8	27
9	31
10	32
11	35
12	36
13	40
14	41
15	48
16	49
17	56
18	57
19	67
20	71
21	82
22	83

23	87
24	91
25	102
26	104
27	114
28	115
29	124
30	128
31	135
32	136
33	148
34	149
35	152
36	153
37	169
38	171
39	179
40	185
41	189
42	195
43	206
44	207
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Бернар Вербер

Смех Циклопа

Посвящается Изабель

Человеку свойственно смеяться.

Франсуа Рабле

Я считаю, что телевизор очень способствует образованию. Как только кто-то его включает, я иду в другую комнату и сажусь за хорошую книгу.

Граучо Маркс

Смеяться можно над чем угодно, но не с кем попало.

Пьер Денрож

Мы – не люди, порой переживающие духовный опыт, но духовные существа, переживающие опыт человеческого бытия.

Пьер Тейяр де Шарден¹

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Акт I

Не смейте читать

1

Почему мы смеемся?

2

– ...И тогда он прочитал последнюю фразу, расхохотался и умер!

По огромному залу парижской «Олимпии» пробегает неудержимая дрожь. Но ее немедленно сменяет столь же безудержное ликование.

Взмывает волна коллективного восторга, округлая и твердая, как огромный бокал шампанского. Бокал лопается, зал разражается аплодисментами.

Юморист Дариус приветствует зрителей.

Это низкорослый человечек, один глаз у него голубой, другой закрыт черной пиратской повязкой, светлые волосы слегка выются, на нем розовый смокинг и розовая бабочка на белой рубашке с кружевным жабо.

Он скромно улыбается, делает реверанс, отступает на шаг назад. Вся публика в легендарном зале вскакивает и устраивает ему еще более бурную овацию.

Артист приподнимает свою черную повязку. Вместо отсутствующего глаза в глазнице помигивает лампочкой пластмассовое сердечко.

Зрители дружно прикрывают себе правой рукой правый глаз: это знак признательности, принятый среди поклонников комика.

Дариус возвращает повязку на место и медленно отступа-

ет в глубь сцены, слегка помахивая рукой и кланяясь.

Зал оглушительно скандирует его имя:

– ДА-РИ-УС! ДА-РИ-УС!

Но уже задвигается тяжелый бархатный занавес. Гаснут прожектора, освещавшие сцену, а в зале, наоборот, стремительно светлеет.

Публика все неистовствует:

– БРАВО! БИС! БРАВО! БИС! БРАВО! БИС!

Но комик, обливаясь потом, убегает за кулисами все дальше. Зал никак не унимается, он упорно скандирует:

– ЦИКЛОП! ЦИКЛОП! БИС! БИС!

Перед гримерной Дариуса собралась толпа его обожателей, закупорившая коридор.

Звезда пожимает протянутые руки, как будто срывает цветы. Отвечает на реплики, принимает подарки, благодарит.

По его спине бегут волны нервной дрожи. Утирая лоб, он приветствует, приветствует своих поклонников. Пробиваться через плотную возбужденную толпу очень нелегко. Проникнув наконец в гримерную, он просит телохранителя постараться, чтобы его больше не беспокоили.

Он запирает дверь, на которой красуются его портрет и имя, на две защелки замка.

Проходит несколько минут.

Телохранителю удастся отеснить толпу, он вступает в разговор с пожарным, как вдруг оба слышат взрыв смеха в

примерной Дариуса, потом звук падения.

И тишина.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ.
РОЗОВЫЙ КЛОУН ОТКЛЯНЯЛСЯ.
ЛЮБИМЕЙШИЙ ФРАНЦУЗ ВСЕХ ФРАНЦУЗОВ
УМЕР В «ОЛИМПИИ» ОТ СЕРДЕЧНОГО
ПРИСТУПА.
ПРОЩАЙ, ДАРИУС, ТЫ БЫЛ ЛУЧШИМ.

Под такими заголовками выходят газеты следующим утром.

Эта тема открывает выпуск новостей в час дня.

«Новость прогремела вчера в 23.30. Прославленный юморист Дариус, прозванный Дариусом Великим, а также Циклопом – настоящее имя Дариус Мирослав Возняк, – скоропостижно скончался от сердечного приступа после выступления в «Олимпии». Это ужасное событие потрясло всю Францию. Блестящая карьера жестоко оборвалась в зените славы. Наш специальный корреспондент находится на месте трагедии».

Длинная вереница фигур в плащах, прячущихся под зонтиками, тянется через телеэкран. Люди стоят под проливным дождем в очереди к кассе элитного мюзик-холла. Журналист машет микрофоном перед камерой.

– Увы, Жером, здесь вчера вечером скончался, к всеобщему изумлению, Дариус Великий. Но здесь же, как объяви-

ли сегодня утром, состоится торжественное представление в память о Циклопе. Это будет историческое шоу, на которое все его друзья-юмористы явятся в облике розового клоуна и представят его миниатюры. Как видите, лишь только об этом стало известно, масса поклонников бросилась приобретать билеты.

Ведущий благодарит корреспондента и сообщает с экрана:

– Президент республики направил родным Дариуса соболезнование, в котором говорится:

«Кончина Циклопа – утрата не только для мира театра, но и для всей страны. В лице Дариуса я лишился не просто одного из самых веселых моих сограждан, но и друга, дарившего мне, как и многим французам, мгновения радости даже в самых сложных ситуациях».

Отложив листок, ведущий по-ученически складывает руки.

– Дариуса Возняка похоронят узким кругом родных и близких на кладбище Монмартр в четверг в 11 часов утра.

4

«Будь у меня выбор, я хотел бы умереть спокойно, во сне, как мой дед. Главное, не орать в панике от ужаса, как 369 пассажиров «Боинга», который дед пилотировал за несколько секунд до гибели».

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

Вторник, 11 часов, время большого совещания в редакции «Общество» журнала «Геттёр Модерн». Оно проходит в кабинете заведующей редакцией Кристианы Тенардьё, похожем на огромный аквариум.

Заведующая закидывает ноги в сапогах на мраморный столик.

На широких кожаных диванах расселись полтора десятка журналистов. Для пущей важности они шуршат газетами, вертят в пальцах блокноты, ручки, портативные компьютеры.

– Понятно, что захотят найти в нашем следующем номере читатели, поэтому за дело! Долой придирки! Перед нами зияющая брешь, и мы кидаемся в нее сломя голову. Делаем специальный номер «Смерть Циклопа».

По немногочисленным присутствующим пробегает ропот одобрения.

– Ежедневники уже высосали тему досуха, и теперь наша задача – раскопать что-то неожиданное. Свеженькое! Экстраординарное! Эксклюзив! Молниеносные предложения по кругу. Твои предложения, Максим?

Она указывает подбородком на журналиста, притулившегося справа к батарее.

– «Дариус и политика», – предлагает он.

– Слишком банально. Любому известно, что его обхаживали все партии, а он делал вид, что поддерживает их все, на самом деле не поддерживая ни одной.

– А мы разоведем тему. Он представлял собой среднего француза. Французские низы. Бедняки узнавали в нем себя, они наконец получили официального представителя. Поэтому его выбрали «любимейшим французом всех французов». Тут можно поискать свежий угол зрения, попробовать ответить на вопрос: «Почему его так любил народ?»

– Вот именно, возникает риск педалировать популизм. Давайте без демагогии. Дальше. Ален?

– «Дариус и секс». Составим список его побед. В его постели побывало немало знаменитостей. Некоторые выглядели довольно фотогенично в обнаженном виде. Наши страницы будут возбуждать!

– Слишком вульгарно. Это не соответствует имиджу нашего журнала, мы работаем не для черни. А главное, папарацци многовато дерут за свои снимки. Следующий.

Флоран Пеллегрини, ведущий криминальный репортер, являет свой прекрасный лик со следами сорокалетнего пьянства и не спеша произносит:

– «Дариус и деньги». Я знаком со Стефаном Краузом, его бывшим продюсером, он с радостью поведаст мне о его обширной экономической империи. Дариус владел настоящим замком в парижском пригороде. Учредил филиалы «Циклоп Продакшен» за границей. Следил вместе с братьями за всей

маркированной продукцией и уже начал получать приличную прибыль. Поверьте, сердечко в глазу – выгодный торговый знак.

– Слишком материалистично. Другие предложения? Франсис?

– Тайны трудной молодости, обстоятельства несчастного случая, стоившего ему правого глаза. Как он использовал этот свой изъян, как превратил его в символ своей узнаваемости. Я уже придумал заголовок: «Реванш Циклопа».

– Слишком слащаво. Вся эта ностальгия, несчастный ребенок-инвалид, боровшийся за место под солнцем, – зачем нам выжимать столько слез? Не говоря о том, что все это видено-перевидено, читано-перечитано. Нет уж, напрягитесь, ставки очень высоки. Шевелите мозгами! Следующий. Клотильда? Есть предложения?

Журналистка вскакивает, как прилежная школьница.

– «Дариус и экология»? Он поддерживал борцов с загрязнением окружающей среды и даже участвовал в демонстрациях против атомных электростанций.

– Опять слащавость. Все звезды сейчас объявляют себя борцами за экологию, это модно. Какой примитив! Впрочем, чего еще от вас ждать...

– Но, мадам...

– Никаких «но, мадам»! Ваши идеи, моя бедная Клотильда, всегда либо пустые, либо не в тему. Вы напрасно теряете время, пытаясь стать журналисткой, вам гораздо больше

подошло бы... пасти коз.

Те, кому весело, не стесняются хихикать. Возмущенный взгляд бедняжки, уязвленной до глубины души.

– А вы... Вы вообще...

– Кто? Ну, кто я? Стерва? Сучка? Шлюха? Прошу вас, найдите точное определение. Если у вас нет предложений лучше этого идиотизма с «Дариусом и экологией», то замолчите, прекратите красть у нас время.

Клотильда Планкоэ срывается с места и выбегает, хлопнув дверью.

– Побежала реветь в туалет. Нервы ни к черту. А еще мнит себя крупным репортером! Следующий! Какие еще будут выдающиеся предложения?

– «Дариус и молодежь». Он открыл Школу смеха и театр молодых талантливых комиков, то и другое без всякой корысти. Все заработки шли на поддержку начинающих юмористов.

– Слишком просто. Нужно что-то поострее, чтобы выделиться на фоне других журналов. Что-то по-настоящему удивительное, о чем никто не подозревает. Ну же! Не вижу, чтобы вы шевелили мозгами!

Журналисты переглядываются, не находя вдохновения.

– А вдруг смерть Дариуса... – это убийство?

Заведующая редакции «Общество» Кристиана Тенардь оборачивается на произнесшую эти слова Лукрецию Немрод, молодую научную журналистку.

– Полный идиотизм. Следующий.

– Подождите, Кристиана, пусть разовьет свою мысль, – предлагает Флоран Пеллегрини.

– Глупее не придумаешь. Дариус убит? Почему тогда не самоубийство?

– Я в начале пути, – сообщает Лукреция нейтральным тоном.

– Ну, что это за «начало пути», мадемуазель Немрод?

Немного выждав, та отвечает:

– Пожарный зала «Олимпия» стоял перед примерной Дариуса, когда тот скончался. Он утверждает, что слышал хохот Дариуса за несколько секунд до его падения.

– Ну и что?

– По его словам, Дариус хохотал во всю глотку, прежде чем рухнуть на пол.

– Бедная моя Лукреция, вы взялись конкурировать с Клотильдой в области тупых предположений?

Несколько журналистов шушукаются. Максим Вожирар, всегда спешащий поддержать начальство, говорит:

– Убийство? Это невозможно, Дариус находился в примерке, запертой на ключ изнутри, перед дверью дежурили его телохранители, их еще называют «розовыми костюмами» – не люди, а шкафы. Последние сомнения исчезают по той причине, что на теле не было ни царапины.

Молодая журналистка не намерена отступать.

– Громкий хохот за несколько секунд до смерти... Лично

мне это кажется очень странным.

– С чего бы это, мадемуазель Немрод? Договаривайте, сделайте одолжение.

– Комики редко смеются, – не лезет за словом в карман молодая женщина.

Заведующая редакцией роется в сумочке и извлекает оттуда гильотинку. Потом, достав кожаный футлярчик, она берет из него сигару, нюхает и кладет под гильотинку, чтобы отрубить кончик.

Флоран Пеллегрини чиркает на листочке, как будто его посетила какая-то мысль.

Молодая научная журналистка выдерживает паузу и начинает объяснять:

– Обычно производители не употребляют того, что производят, потому что знают, из чего это сделано. Врачи не торопятся лечиться. Виктор Гюго, объясняя свое нежелание читать сочинения других романистов, говорил, что «коровы не пьют молоко».

Несколько коллег одобряют услышанное, и Лукреция Немрод набирается уверенности.

– Модные стилисты сплошь и рядом плохо одеты. Ну а журналисты... не верят написанному в журналах.

Небольшая аудитория перешептывается – свидетельство того, что она попала в точку. Флоран Пеллегрини незаметно пододвигает ей исчерканный листок. Молодая журналистка, глянув в него только мельком, продолжает:

– Мы, люди этой профессии, знаем, что вытворяют с информацией: здесь и манипулирование, и искажение, и неточность. Откуда взяться доверию? Думаю, для комиков тоже не секрет, как рождаются шутки, поэтому их очень непросто рассмешить.

Две женщины молча, с вызовом смотрят друг на друга.

Одна состязаящаяся – заведующая редакцией «Общество» журнала «Геттёр Модерн» Кристиана Тенардье: костюм «Шанель», блузка «Шанель», часики «Шанель», духи «Шанель», крашенные в рыжий цвет волосы, в карие глаза вставлены голубые линзы. Возраст 52 года, из них 23 в журналистике. Многие засвидетельствовали бы, что она доросла до нынешнего завидного поста благодаря своему таланту к кулуарным интригам. Не написав за всю карьеру ни одной статьи, не имея на своем счету ни одного журналистского расследования, она неуклонно карабкалась вверх. Ходят слухи, что она обязана своим успехом тому, что спала с начальством с верхнего этажа, но, учитывая ее внешность, в это слабо верится.

Другая состязаящаяся – Лукреция Немрод, 28-летняя журналистка. В редакции «Общество» она трудится недавно и имеет статус «постоянного внештатного сотрудника», специализирующегося на научных сюжетах. Не нажив титулов, она все же имеет в своем активе шесть лет расследований и сотню репортажей. Молодая женщина тоже рыжая, но, в отличие от своей начальницы, может похвастаться на-

туральностью масти, о чем свидетельствуют веснушки у нее на щеках. Глаза у нее миндалевидные, изумрудно-зеленого оттенка. Что до лица, то остренький носик делает ее похожей на землеройку, но с грациозной шеей и с мускулистой подвижной фигурой, стройность которой подчеркивает черная блузка с китайской стойкой и с вышивкой – пронзенным мечом золотым драконом. Да, еще круглые голые плечики.

Кристиана Тенардь закуривает сигару и молча попыхи-вает – у нее это признак напряженного раздумья.

– «Циклоп – жертва убийства» – это была бы оглушительная сенсация, не так ли? – выдавливает Флоран Пеллегрини. – Так мы поставили бы шах и мат ежедневным изданиям.

Заведующая редакцией выдыхает долгожданное облако дыма.

– ...или утратили бы всякое доверие и превратились в посмешище для всего Парижа. – Она сверлит взглядом молодую журналистку, но та не опускает глаз. В этой безмолвной дуэли сквозит та враждебность, которой всегда захлебываются претенденты на власть: Александр Великий бросал вызов своему отцу, македонскому царю Филиппу II, Брут пристально смотрел на Цезаря, прежде чем ударить его кинжалом, Даниэль Кон-Бендит не боялся в 1968 году вооруженного до зубов спецназа. Того, кто моложе, всегда обуревают одна и та же мысль: «Прочь с дороги, старый хрыч, твое время прошло, теперь будущее – это я».

Кристиана Тенардь знает это. Ей хватает ума, чтобы по-

нимать, как кончаются эти схватки: редко в пользу старшего. Знает это и Лукреция.

«Образование, – думает она, – да и иерархия в структуре в конечном счете нужны только для одного: принуждать молодежь к терпению, пока старые бездари не закончат свою игру во власть и не уступят ей место».

– Смерть Циклопа – убийство?.. – задумчиво бормочет Тенардье.

Журналисты уже шепчут друг другу на ухо скабрзности. Они готовы поднять выскочку на смех, демонстрируя свою преданность заведующей.

Та поднимается и плющит свою сигару в пепельнице.

– Прекрасно, мадемуазель Немрод, я даю вам разрешение на расследование. Но учтите две рекомендации. Во-первых, все должно быть всерьез, с доказательствами, надежными показаниями, фотографиями, не противоречащими друг другу, и проверяемыми фактами.

Журналисты дружно кивают, ценя естественную начальственную властность.

– И второе: удивите меня!

6

«Когда сотворено было тело человеческое, все его части захотели быть главными.

МОЗГ говорил: «Раз я управляю всей нервной системой, то главным быть мне».

НОГИ говорили: «Раз мы поддерживаем все тело в прямом положении, то главными должны быть мы».

РУКИ говорили: «Раз мы делаем всю работу и зарабатываем деньги, чтобы кормить тело, то мы и должны быть главными».

ГЛАЗА говорили: «Раз мы поставляем всю информацию о внешнем мире, нам и быть главными».

РОТ говорил: «Раз я всех кормлю, то главным должен быть я».

И так далее: СЕРДЦЕ, УШИ, ЛЕГКИЕ.

Наконец высказалось ЗАДНЕПРОХОДНОЕ ОТВЕРСТИЕ, потребовавшее главенства для себя. Остальные части тела высмеяли саму мысль, что ими может помыкать простая задница.

Тогда ЗАДНЕПРОХОДНОЕ ОТВЕРСТИЕ разгневалось, закрылось и отказалось действовать. Скоро воспалился МОЗГ, остекленели ГЛАЗА, ослабли и перестали ходить НОГИ, бессильно повисли РУКИ, повели борьбу за выживание СЕРДЦЕ и ЛЕГКИЕ. И все стали умолять МОЗГ, чтобы

он уступил и позволил быть главным ЗАДНЕПРОХОДНОМУ ОТВЕРСТИЮ.

Так и вышло. После этого все части тела вернулись к своим делам под руководством ЗАДНЕПРОХОДНОГО ОТВЕРСТИЯ, занявшегося в основном, как и подобает всякому начальнику, достойному так называться, устранением «неприятностей».

МОРАЛЬ: чтобы стать главным, вовсе не обязательно быть мозгом, гораздо больше шансов на успех у простой ЗАДНИЦЫ».

Из скетча Дариуса Возняка
«У задницы есть будущее».

Глаза Лукреции Немрод прочли современную басню о «мозге и заднице», поэтому ее рот улыбается. Рука сминает бумажку, незаметно подsunутую ей на редакционном совещании Флораном Пеллегрини.

«Простенькая, но своевременная шутка способна здорово подбодрить», – думает она.

Крупный репортер, специалист по уголовным делам, подходит к ней после совещания и садится на свой письменный стол, что напротив ее стола.

– Ты с ума сошла, Лукреция? Что на тебя нашло, зачем ты понесла эту абракадабру про убийство Дариуса? Ты здорово влипла! Забыла, что ли, что и так у Тенардье под прицелом? Ты же хотела к концу года перейти в штат! Что ж, теперь готовься к пособию по безработице.

Молодая женщина с изумрудными глазами, морщась, массирует себе плечи.

– Я люблю загадочные убийства в закрытом помещении. Это настоящий вызов а-ля Гастон Леру.

Ее собеседник ухмыляется.

– Ни ранений, ни улики, ни свидетеля, ни мотива! И вообще, ни малейшей возможности что-либо сделать!

Лукреция Немрод замечает краем глаза стопку корреспонденции на углу своего стола. Никуда не денется, решает

она.

– Люблю, когда репортаж – крепкий орешек.

– Ты хоть понимаешь, куда суешься?

– Мне нравился Циклоп.

Он смотрит на нее с искренним сочувствием.

– Меня ты не переубедишь своими фокусами с Виктором Гюго, говорившим, что коровы не пьют молока.

Старый журналист корчит гримасу, и она знает, что его беспокоит печень. Он слишком много пьет, несколько курсов дезинтоксикации не пошли впрок. Чтобы унять боль, он прибегает к привычному обезболивающему: достает рюмку и бутылку виски. Немного помедлив, он хлебает прямо из горлышка.

Нет, я не закончу свою жизнь, как Флоран, в страхе перед начальством, стремясь всем нравиться, постоянно идя на компромиссы с собственной совестью.

Он надолго присасывается к бутылке, потом с гримасой отвращения продолжает:

– Осторожнее, Лукреция, ты не отдаешь себе отчета, что ходишь в «Геттёр Модерн» по лезвию бритвы. Если оступишься, никто тебе не поможет. Даже я. Твоя идея расследовать смерть Дариуса кажется мне попросту бредовой.

Он протягивает ей бутылку. Она, поколебавшись, отрицательно крутит головой.

Что, если он прав? Что, если я сильно просчиталась с выбором сюжета? Что ж, теперь уже поздно. Начал – доведи

дело до конца.

Она смотрит на листок с анекдотом про задницу, мнет его, скатывает в шарик, бросает в направлении мусорной корзины под столом у старого пьяницы-журналиста и промахивается всего на пару миллиметров.

Флоран Пеллегрини поднимает бумажку дрожащей рукой и тоже бросает. 1:0!

Он парит высоко в небесах. Другие кружат вокруг. Наконец ворон с блестящими антрацитовыми крыльями планирует на треснутый надгробный камень. Рядом опускаются соплеменники, подхватывающие его крик. Их сварливая песня по душе им одним.

Похороны Циклопа на кладбище Монмартр – главное событие дня.

Процессия медленно движется за катафалком, увешанным розовыми флажками с символом усопшего – глазом-сердечком.

В длинной веренице людей бредут члены семьи Дариуса, его друзья и, конечно, первые шутники страны, мастера фарса, игры слов. У всех понурый вид, и все облегченно переводят дух: дождь на время перестал.

Сзади напирают политики, актеры и певцы.

Фотографов на флангах едва ли не больше, чем людей в самой колонне. Спецназ полиции и «розовые костюмы» – верзилы из частной охраны «Циклоп Продакшен» – не позволяют прорваться на кладбище толпе зевак.

Наконец голова скорбного кортежа застывает перед открытой могилой. На розовом мраморе надгробного камня выгравировано золотом: «Я БЫ ПРЕДПОЧЕЛ, ЧТОБЫ

В ЭТОМ ГРОБУ ЛЕЖАЛИ ВЫ, А НЕ Я».

Священник поднимается на помост, проверяет микрофон и начинает:

– Эта высеченная на мраморе эпитафия – средний палец, показанный им напоследок миру...

Постепенно скорбящие окружают священника плотным кольцом.

– Дариус взял с меня слово, что на его могиле будет на чертана эта фраза, потому что знал, что Всевышний мог призвать его в любой момент. «Я бы предпочел, чтобы в этом гробу лежали вы, а не я» – какая ирония и одновременно какая искренность! Дариус поделился со мной мыслью, что если не лицемерить, то так сказал бы любой усопший, присутствуя он на собственных похоронах.

В толпе шмыгают носами и хихикают. Бурно рыдает всего одна женщина, чье лицо скрыто черной кружевной вуалью. Пожилой господин не удерживается от громкого смеха, чем заслуживает укоризненные взгляды.

– Не стесняйтесь, – продолжает священник, – можете смеяться. Дариус смеялся надо всем. Он бы и свои похороны высмеял, если бы мог на них прийти. Его смех был добрым. Щедрым. Смирненным. Мало кто об этом знает, но Циклоп был верующим человеком. Каждое воскресенье, почти тайком Дариус ходил к мессе. Он говорил: «Для комика нехорошо, если увидят, что он идет в церковь».

Снова несколько смешков среди общего молчания.

– А еще Дариус был моим другом. Он делился со мной своими тревогами, сомнениями, своим желанием стать лучше, поэтому я лучше любого другого могу открыть вам главное: Дариус был на свой манер святым. Он не только хотел счастья для своего окружения и для публики, он поощрял в своей Школе смеха, в своей телепрограмме, в своем собственном театре юные таланты.

Женщина в вуали плачет навзрыд.

– Иисус сказал: «Бог – это любовь», но можно добавить, что «Бог – это юмор».

На нескольких лицах читается одобрение.

– Всем нам надо постоянно проверять не только свое чувство любви к ближнему, но и свое чувство... юмора.

Сморкание в платочки. Некто в широкополой шляпе, не скрывающий слез, сочувственно поддерживает женщину с вуалью.

– Вот, Дариус, наш возлюбленный, всеми любимый Циклоп, ты и покинул нас, оставил безутешными сиротами. Увы, твоя последняя шутка не вызвала у нас смеха...

Теперь преобладают слезы, смеха больше не слышно.

Одинокая плакальщица продолжает солировать, громко и пронзительно.

– Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху. Теперь можете подойти для последнего прощания. Первая – мадам Анна Магдалена Возняк, мать почившего.

Служитель церкви подает плачущей женщине лопату с

землей. Она поднимает свою вуаль и бросает землю на гроб, на знаменитую фотографию смеющегося Дариуса, приподнимающего повязку и показывающего сердце в глубине правой глазницы.

Стоящая тут же Лукреция вглядывается во все лица и запоминает их.

9

«– Доктор, я очень встревожен. Вы поставили совсем не тот диагноз, что ваш коллега.

– Знаю. Так происходит не впервые. Но вскрытие докажет мою правоту».

Из скетча Дариуса Возняка «Доверяйте медицине, и она ответит вам взаимностью».

10

Поднимается ветер. Гнутся деревья. Трепещут кусты. Дрожат черные шляпки и вуали, с трудом удерживаемые руками в перчатках.

Лукреция Немрод, долго протомившаяся в длинной очереди, бросает свою лопатку земли на крышку гроба. Потом оглядывает погребальный кортеж и поклонников за оградой.

Дарисуса больше нет. Даже те, кого я считаю своей духовной родней, уходят. Бросают меня одну.

Ты бросил меня, Циклоп.

Как бросили меня мои родители.

Так же поступают все, с кем я сближаюсь: они меня бросают. Такое впечатление, что Бог-шутник там, наверху, дарит нам встречи с чудесными людьми, чтобы полюбоваться нашей удрученной гримасой, когда он их у нас отнимет.

Лукреция Немрод отходит в сторону и садится на надгробие отвергнутого поэта. Ветер швыряет в нее листьями.

Ее бьет озноб.

Меня никто не придет проводить в последний путь. Ни семьи, ни друзей. Надеюсь, моим любовникам хватит ума не встретиться над моим трупом.

Она сплевывает на землю. Издали доносится голос кюре, все еще обращающегося к тем немногим, кто его слушает.

– ...Дариус Возняк был прожектором в ночи, освещавшим своим жизнерадостным словом наш безрадостный мир.

Прожектор в ночи...

Однажды он сыграл эту роль для меня самой, в моих собственных потемках. Потому я и попробую прояснить обстоятельства его смерти, раз не смогла встретить его и в ответ озарить его жизнь.

Научная журналистка «Геттёр Модерн» делает издали несколько снимков и седлает свой мотоцикл с коляской «Гуцци» с объемом двигателя 1200 см³.

Она запускает на своем «Блэкберри» композицию «Страх темноты» английской хард-рок-группы «Айрон Мейден» и мчится в сторону парижской окружной дороги. Она без шлема, рыжие волосы развеваются на ветру.

Она жмет на рукоятку, посылая стрелку спидометра к отметке 130 км в час.

В день накануне своей смерти я буду в больнице одна.

Буду умирать в одиночестве.

И останусь одна, когда мое тело будут предавать земле.

А после меня, как бродяг, как когда-то актеров, швырнут в общую могилу, потому что не найдется желающих заплатить за гроб, а юре посчитает, что я слишком нагрешила, чтобы хоронить меня в освященном месте.

Никто не будет обо мне сожалеть.

А потом меня забудут. От меня останутся только статьи в архиве «Геттёр Модерн» – те немногие, которые Те-

нардѣ разрешила подписать моим именем.

Вот и весь след моего пребывания на земле.

11

«Псих залезает на стену своей психбольницы, с любопытством рассматривает прохожих и обращается к одному из них:

– И много вас там?»

Из скетча Дариуса Возняка «С необычной точки зрения».

Лукреция Немрод возвращается домой, смотрит на спящего в ее постели мужчину, на его аккуратно сложенную на стуле одежду. Она открывает окно. Под простыней начинается шевеление, между двумя складками белой ткани возникает физиономия, приподнимается веко.

– А, Лулу! Вернулась?

Лукреция выбрасывает в окно его пиджак. От этого немедленно поднимается второе веко.

– Ты что творишь, Лулу? Взбесилась? Мне это приснилось или ты вправду выкинула в окно мой пиджак? С четвертого этажа!

Молодая рыжая женщина ничего не отвечает, но отправляет туда же носки. Потом берет нечто в кожаном чехле и держит над бездной.

– Нет, только не его, Лулу! Это же мой ноутбук! Он разобьется!

Лукреция Немрод разжимает пальцы, снизу доносится треск пластмассы и звон стекла.

– Убирайся, – спокойно произносит она.

– Что на тебя накатило? Ум за разум зашел, что ли? Почему ты так со мной поступаешь, Лулу?

– По трем причинам. 1) Я на тебя нагляделась. 2) Мне надоело. 3) Ты меня больше не забавляешь. Есть и еще: 4)

Ты меня раздражаешь. 5) По утрам у тебя воняет изо рта. 6) Во сне ты скрипишь зубами, терпеть этого не могу. 7) Не выношу, когда меня называют уменьшительными именами вроде «Лулу». По-моему, это способ унижить.

Она бросает в окно его рубашку.

– Заинька моя...

– 8) И тем более не люблю такие дурацкие прозвища, ими называют бессмысленных девиц и собачонок.

Наступает очередь трусов.

– Да что с тобой, моя Лулу, дорогая, я же тебя люблю!

– А я тебя нет. И никогда не любила. И я не «твоя», я тебе не принадлежу. Меня зовут Лукреция, Лукреция Немрод. Не Лулу и не зайка. Выметайся. Вон отсюда!

Она хватается брюки и намеревается выбросить и их, но он подскакивает к ней, отнимает брюки и торопливо их натягивает.

– Можно мне все-таки узнать, моя Лу... то есть зай... Лукреция?

Она оставляет ему ботинки, и он поспешно обувается на пороге.

– Конечно. Я уже выяснила, что такое твоя любовь, теперь хочу проверить твое... чувство юмора. Вижу, ты сильнее привязан к своим шмоткам, чем ко мне, вот и ступай вниз, к ним. Быстрее, пока я не придала тебе ускорение.

– Клянусь, я люблю тебя, Лукреция, ты для меня всё!

– «Всего» недостаточно. Я уже сказала: ты меня больше

не забавляешь.

– Зато я могу тебя рассмешить!

Она делает вид, что колеблется.

– Что ж, предоставлю тебе последний шанс: валяй, рас- смеши меня. Если получится, ты сможешь остаться.

– Тогда приготовься.

Она разочарованно опускает ресницы.

– Неважное начало.

– Дальше будет лучше. Плывет, значит, римская галера, барабанщик объявляет гребцам: «Есть две новости, хорошая и плохая. Хорошая: этим вечером вы получите двойную пор- цию супа. – Гребцы вопят от радости. – А вот и плохая: ка- питан попробует заняться водными лыжами».

Молодая журналистка не впечатлена.

– У меня тоже две новости, хорошая и плохая. Хорошая – что ты тоже волен заняться водными лыжами. Плохая: толь- ко без меня. Сказано тебе, пошел вон.

– Но...

Она швыряет в него футболкой и хочет захлопнуть дверь.

– Нет, ты не можешь...

Она тянет за дверную ручку, но он подставляет ботинок. Она с размаху защемляет ему ногу, он корчится от боли и оставляет позицию. Она выталкивает его и запирает дверь.

Он принимается колотить в дверь кулаками и звонить.

– Лукреция! Не надо так!

Она выглядывает из двери.

– Ты забыл это.

Она бросает его мотоциклетный шлем, он катится вниз по ступенькам.

Перед этим она уже врубила на полную мощь «Извержение» рок-группы «Ван Халлен». Теперь она садится за письменный стол, раскладывает журналы, включает компьютер.

На мониторе портрет Циклопа.

Что со мной? Мне срочно нужно прочистить мозги. Му-жик в постели в половине третьего дня, небритый и воняющий горным козлом, несовместим с предстоящим сложным расследованием, на которое я поставила все, что только можно.

Мне нужна не эта неподъемная гиря, а реактивный двигатель.

И вообще, этот тип никогда бы меня не понял, так что не будем терять время.

Сначала действовать, философствовать будем после.

13

«Почему Бог создал сначала мужчину, а женщину потом? Потому что перед шедевром ему нужно было потренироваться на черновике».

Из скетча Дариуса Возняка «Война полов с вашим участием».

Чиркает спичка. Загорается огонек. Рука подносит спичку к кончику самокрутки. В пламени сгорают несколько волосинок усов. Рот неторопливо выпускает дым, скручивающийся в ленту Мебиуса.

На Франке Тампести, пожарном зала «Олимпия», старая хромированная каска и толстая куртка из черной кожи с позолоченными галунами.

Глядя на огонек, он щурит глаза.

Лукреция Немрод говорит себе, что его пример продолжает парадокс насчет производителей, чурающихся собственной продукции: пожарный, играющий с огнем.

– Я уже все рассказал вашим коллегам, можете прочесть, все напечатано.

Как я погляжу, дружок, ты не понимаешь, с кем имеешь дело.

Лукреция Немрод представляет себе связку из пары десятков толстых ключей. Который из них легко отопрет эту упрямую башку?

Она начинает с купюры в 10 евро.

Деньги – это ключик, отпирающий большинство дверей.

– За кого вы меня принимаете? – оскорбляется он.

Она добавляет вторую купюру.

– Можете не усердствовать, – говорит усач и отворачива-

ется, показывая, что разговору с ней предпочитает курение.

А если три?

Деньги исчезают в его кулаке так быстро, что ей кажется, что это сон.

– Дариус вернулся на сцену после четырех лет отсутствия. Собрались все шишки, включая министров – культуры, по делам ветеранов, даже транспорта. Полный успех! Циклоп раскланялся и не вышел на бис, скрылся за кулисами. На часах было то ли двадцать пять, то ли двадцать шесть минут двенадцатого, точно не скажу. Дариус был весь в мыле. Видно было, что два часа на сцене совсем его измотали. Он машинально, не глядя помахал мне. Видит засаду: куча поклонников перед гримеркой. Раздал автографы, поболтал, принял цветы и подарки. Все как всегда. Прежде чем уйти в гримерку, он попросил охранника ни под каким видом его не беспокоить. И заперся на ключ.

– А что потом? – нетерпеливо спрашивает Лукреция.

Пожарный так глубоко затягивается, что разом сгорает половина его самокрутки.

– Я остался в коридоре, у гримерки, проследить, чтобы никто не вздумал там закурить, это же нарушение правил противопожарной безопасности. – Говоря это, он выпускает огромное облако синего дыма. – И тут мы с телохранителем слышим из гримерки Дариуса хохот. Я решил, что он читает заготовки для следующего спектакля. Хохот усиливался, потом раз – и прервался. Я услышал стук, как будто он упал.

Молодая рыжая журналистка все заносит в блокнот.

– Говорите, он смеялся? Что это был за смех?

– Очень громкий, что называется, до икоты.

– Вы сказали, он долго смеялся?

– Нет, секунд десять-пятнадцать, максимум двадцать.

– Что было потом?

– Я же говорю: звук падения, больше ничего. Дальше – мертвая тишина. Я хотел войти, но телохранитель имел строгое приказание никого не впускать. Тогда я пошел за Тадеушем Возняком.

– Братом Дариуса?

– Братом и заодно продюсером. Он разрешил мне отпереть дверь моим ключом, и мы вошли. Дариус лежал на полу. Мы вызвали «Скорую». Врачи пробовали делать массаж сердца, но бесполезно, все было кончено.

Пожарный тушит окурок и нажимает кнопку, включая противопожарную тревогу.

– Можно мне в его примерку?

– Запрещено. Только с ордером на обыск.

– Как удачно, как раз захватила с собой!

Она сует ему еще одну бумажку в 10 евро.

Он смотрит на деньги, как курица, сомневающаяся, клюнуть ли червяка.

– Не похоже на документ с прокурорской подписью.

– Извините, забыла подписать у кого надо. Какая рассеянность!

Молодая журналистка лезет за новой купюрой.

Пожарный забирает обе и выпускает ее в гримерку.

На полу обведен мелом контур тела.

Луcreция Немрод изучает положение трупа и делает фотосъемку своим «Никоном» со вспышкой.

– Это тот розовый пиджак, который был на нем на сцене?

– Да, здесь никто ни к чему не прикасался, – заверяет ее пожарник.

Она проверяет карманы пиджака и находит список скетчей для последнего выступления.

Это, наверное, чтобы не забыть, что за чем следует.

Чтобы как следует рассмотреть пол, она опускается на колени и видит под гримерным столиком деревянную шкатулку размером с детский пенал, покрытую синим лаком, с инкрустацией.

Не очечник и не шкатулка для драгоценностей. Пыли не видно. Пролежала здесь недолго.

На крышке начерчены позолотой три заглавные буквы: ВQT.

И под ними мелким курсивом:

Не смейте читать.

Пожарный Франк Тампести заинтригован.

– Это что?

– Возможно, орудие преступления.

Он подозревает, что она над ним подтрунивает, но уверенности нет, поэтому он только озадаченно качает головой:

– Не пойму, как этим можно причинить себе вред, разве что в глотку запихнуть!

Лукреция Немрод фотографирует находку, вертит ее так и этак, потом открывает. Внутри синий, в тон крышке, бархат и продолговатое углубление.

– Футляр для ручки? – предполагает пожарный.

– Для ручки или для свернутого листка. А так как сверху написано не «не смейте писать», а «не смейте читать», то я склоняюсь ко второму варианту.

– Свернутый листок?..

«Револьвер найден, теперь поищем гильзу от пули», – думает молодая научная журналистка.

Она берет со столика листок бумаги, отрывает от него клочок чуть меньше синей шкатулки, свертывает, расправляет.

– Что-то вроде этого...

Она ставит ноги туда, где, как следует из рисунка мелом на полу, находились ноги Дариуса Возняка, руки располагает на той высоте, где должны были находиться руки читающего мужчины, и выпускает свою бумажку.

Бумажка опускается зигзагами и пропадает за бахромой кресла.

Журналистка плюхается на живот, чтобы проследить траекторию.

Бумажка легла рядом с такой же, явно сначала скрученной, а потом расправленной, только толще, черной с одной стороны, белой с другой.

– Вот и гильза! – сообщает она победным тоном.

– А это что такое?

Лукреция Немрод выпрямляется, держа кончиками пальцев свой трофей.

– Фоточувствительная бумага.

Франк Тампести принимается скручивать новую сигарету.

– Ну вы даете! Вы заткнете за пояс сыщиков! Где вы такому научились?

– Один друг, опытный журналист, научил меня осматривать место преступления и вещественные доказательства. Из размеров синей шкатулки следует, что там не поместилось бы ничего больше свернутой бумажки.

Еще полюбовавшись синей лакированной шкатулкой и черно-белой бумажкой, Лукреция Немрод поворачивается к пожарному.

– Значит, так. Никому это не нужно, поэтому я все конфискую. – В карман пожарного переключивается очередная купюра. – Не припомните, кто дал ему эту синюю шкатулку?

– Нет, но я знаю, как это выяснить. Надо просмотреть в комнате видеонаблюдения диски с записями.

– Отлично, идемте!

Пожарный удерживает ее одной рукой, не выпуская из другой сигарету.

– В этот раз одного ордера на обыск будет мало.

Она достает три бумажки по десять евро.

– Я рискую местом, мадемуазель. В этическом плане это совершенно неприемлемо.

Заглянув в свой кошелек и убедившись, что купюры иссякли, Лукреция Немрод утрачивает терпение.

Что ж, прибегнем к ключу номер два.

Не давая пожарному опомниться, она хватается за запястье и так резко выворачивает, что у него от боли лезут на лоб глаза. Он роняет сигарету и жалобно стонет.

– Все так хорошо начиналось, – произносит она вкрадчиво. – Через две минуты вам придется выбирать: вспоминать мой визит либо хорошо...

Она подносит к его носу последнюю купюру.

– ...либо плохо. Решать вам.

Он корчит рожу.

– Раз происходящее противоречит моей воле, проблемы с этикой больше не существует.

Лукреция Немрод разжимает хватку и небрежно выпускает деньги. Пожарный ловит их на лету и прячет в карман.

Потом он пожимает плечами, как ни в чем не бывало подбирает свою сигарету и ведет Лукрецию к запертой двери. В комнате видеонаблюдения он садится перед экраном, переписывает видеофайл на лазерный диск и, поглаживая усы, отдает диск журналистке.

– Будем считать, что вы нашли это в мусорной корзине.

«В чем разница между политиком и женщиной?

Если политик говорит «да», это значит... «может быть».

Если политик говорит «может быть», это значит... «нет».

Если политик говорит «нет», все считают его мерзавцем.

А если женщина говорит «нет», это значит... «может быть».

Если женщина говорит «может быть», это значит... «да».

Если женщина говорит «да», все считают ее шлюхой».

Из скетча Дариуса Возняка «Война полов с вашим участием».

Рука вставляет диск в компьютер и запускает программу воспроизведения.

В чем загадка синей шкатулки?

На экране появляются четыре картинки – изображения с четырех камер, висящих на потолке за кулисами «Олимпиады».

Она устанавливает время на несколько минут раньше трагедии.

23 часа 23 мин. 15 сек.

Перед дверью гримерной толпятся поклонники с цветами и подарками. Некоторые в масках, некоторые раскрашены под клоунов.

Великий репортер Флоран Пеллегрини, ее сосед по кабинету, садится рядом.

– Что за клоуны в розовом?

– Помнишь программу Дариуса «Я всего лишь клоун»?

Ну вот... Даже зрители в первых рядах обычно гримируются под клоунов, одеваются в розовое и закрывают правый глаз черной повязкой.

23 часа 24 мин. 18 сек.

Вид сверху: в коридоре появляется Дариус.

23 часа 25 мин. 21 сек.: он направляется к своей гримерке.

Двое журналистов смотрят запись в замедленном режиме.

Несколько человек протягивают Дариусу пакеты, он берет их на ходу. Вот он останавливается и разговаривает с кем-то, вручающим ему маленький предмет.

23 часа 26 мин. 9 сек.

Она останавливает и увеличивает изображение.

Картинка мутная, но видно, что некто, загримированный под клоуна, сует ему лакированную шкатулку. У клоуна большой красный нос, волосы спрятаны под красную кепку.

Лукреция делает масштаб еще больше и убеждается, что грим у клоуна не такой, как у остальных. Нарисованный рот не улыбается, уголки губ грустно опущены вниз, на правой щеке блестит слеза.

– У меня была глухонемая сестра, я умею читать по губам, – сообщает Флоран Пеллегрини. – Возможно, я смогу тебе помочь.

Журналистка выводит на экран огромный рот и запускает замедленный пофразовый просмотр.

Пеллегрини пододвигается к самому экрану.

– Он говорит ему: «Это то... что ты... всегда... хотел... узнать».

Лукреция Немрод отматывает назад, ищет самый четкий кадр с грустным клоуном и увеличивает его.

С принтера сходит распечатка.

Флоран Пеллегрини подносит к глазам синюю шкатулку и рассматривает ее через очки.

– Ты держала ее без перчаток? Теперь твои отпечатки пе-

ремешаны с чужими.

Надо же, не сообразила! Вот дура!

Репортер почти касается стеклами шкатулки.

– BQT. Что бы это значило?

– Посмотрим в интернете.

Он запускает «Гугл».

– Voeuf Qui Tourne², сорт барбекю.

– Belle Queue Tordue³, порносайт.

– А если по-английски? – предлагает Флоран Пеллегрини.

– Boston Qualifying Time⁴.

– Be Quiet⁵.

– Big Quiz Thing⁶. Одно другого бессмысленнее!

Флоран Пеллегрини водит пальцем по позолоченным буквам на крышке и по надписи «Не смейте читать!».

– Внутри находилось вот это, – говорит ему она.

Он осторожно берет у нее бумажку, черную с одной стороны, белую с другой.

– Это фотобумага «Кодак» с медленным затемнением. Наверное, на ней был текст. Дариус прочел его, а потом бумага почернела, и текст стал нечитаемым. Если так, то встает три вопроса: 1) что за текст был на фотобумаге? 2) как умер Да-

² «Вращающаяся говядина» (фр.).

³ «Белоснежка с разорванной глоткой» (фр.).

⁴ «Квалификационное время для бостонского марафона» (англ.).

⁵ «Будь спокоен» (англ.).

⁶ «Большая викторина» (англ.).

риус? 3) кому понадобилась его смерть?

Лукреция задумчиво убирает со лба длинную рыжую прядь.

– Что, если он умер от смеха?

Великий репортер неприязненно морщится.

– От смеха? Какая ужасная смерть!

– Ну, не знаю... Может, наоборот, приятная.

– Брось, ты не представляешь, какая это может быть боль!

Доводилось тебе неудержимо хохотать? Сводит ребра, живот, горло, вся голова в огне, ты задыхаешься! Умереть от смеха? Ужас!

Молодая женщина силится вспомнить, когда она неудержимо хохотала в последний раз.

– В общем, – продолжает репортер, – твое расследование взяло хороший старт. Наша Тенардье хотела удивиться, и ты ее не разочаруешь. «Убийственный текст» – это уже кое-что новенькое, но «текст, после которого умираешь от смеха», – настоящий эксклюзив! Сначала я не очень-то верил в твою версию убийства, но теперь должен признать, что ты не промах. Bravo, малышка!

– Не называй меня малышкой, – огрызается она.

Флоран Пеллегрини улыбается, заглядывает ей в глаза.

– Почему ты заинтересовалась этой историей, Лукреция? Только честно. Ведь это не только профессиональный интерес? Слишком энергично ты за это взялась. Я умею видеть разницу между простым любопытством и одержимостью.

Молодая женщина роется в ящике коллеги и достает бутылку виски и две рюмки. Налив одну, она смотрит в никуда.

– Как-то раз, давным-давно... мне было... как тебе это объяснить? Немного тоскливо. Но я вовремя услышала по радио сценку Циклопа и воспрянула духом. Так Дариус, сам того не зная, стал близким мне человеком.

– Понимаю.

– Теперь у меня такое чувство, словно я потеряла «дядюшку-шутника». Знаешь, который после ужина, когда все темы исчерпаны, поднимает всем настроение своими анекдотами.

Она одним глотком выпивает янтарную жидкость.

– Ты вздумала мстить за «дядюшку-шутника»?

Лукреция Немрод пожимает плечами.

– Вызывать смех – щедрый дар. В молодости, в важный для меня день, этот дар пролился и невероятно мне помог. В память о том дне я и хочу пролить свет на его смерть, подобно тому, как он озарил мою жизнь.

– Смотри-ка, ты становишься поэтессой, это первый шаг к алкоголизму.

Флоран Пеллегрини наливает и себе полную рюмку виски и чокается с ней. Ей хочется его остановить, но он показывает жестом, что знает, что делает, и сам несет ответственность за последствия. Корчась, он опрокидывает рюмку.

– Слишком сложное для тебя дело, Лукреция. Если ты ничего не добудешь, Тенардье тебя не пощадит. Она зажгла те-

бе зеленый свет не ради твоего удовольствия. Она хочет доказать, что ты не справишься с такой темой. Это западня.

– Знаю.

– Не любит она тебя, Лукреция.

– Почему?

– Она вообще не терпит женщин. Все они для нее в первую очередь соперницы. Ты молодая красавица, а она старая уродина.

– Знаю-знаю, я читала «Белоснежку»: «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее?»

– Я не шучу, Лукреция. Тенардье ждет повода, чтобы вычеркнуть тебя из списка постоянных внештатников. Ты бросила ей вызов перед всей редакцией и теперь должна раскрыть это дело, иначе потеряешь место.

Молодая журналистка умолкает в невеселой задумчивости.

Самое время выпить еще виски.

– Что ты мне посоветуешь, Флоран?

– Тебе нужна помощь. Одна ты не справишься. Один прокол ты уже допустила: не позаботилась о сохранности отпечатков пальцев.

Он прав, какое постыдное легкомыслие!

– Может, поработаешь вместе со мной?

– Нет уж, сама знаешь, я едва держусь на ногах. Спиртное – способ бегства для журналистов, переживших неприятных тайн. В особенности в «Геттёр Модерн». Начиная с опреде-

ленного возраста выпивка – средство заглушить больную совесть и побороть бессонницу. Я нагляделся в редакции невероятных гадостей, и что же? Полное безразличие! А сколько глупости, сколько вранья под шапкой «эксклюзивных расследований»...

Флоран Пеллегрини хочет налить себе еще, но его рука так дрожит, что рюмка наполняется только с третьего раза, и то с помощью Лукреции, поддерживающей его за локоть.

– Единственный, кто способен помочь тебе в расследовании такого рода, – это сама знаешь кто...

Молодая журналистка и седовласый репортер заговорщически переглядываются.

– Не переживай, Флоран, я сама сразу о нем подумала.

– Не сомневаюсь. Вижу, ты мечтаешь снова с ним сотрудничать, для того и выбрала именно такую историю, которая может его заинтересовать. Я прав?

Лукреция Немрод воздерживается от ответа. Старый журналист понимающе подмигивает.

– Беги к нему на башню! Уверен, он не откажется.

«Альпинист карабкается на головокружительную вершину.

Его нога соскальзывает с уступа, и он летит вниз.

Кольшкн выпадають из скалы один за другим, но в последний момент он успеваёт уцепиться руками за камень и повисает над пропастью.

Альпинист в панике, он кричит:

– Помогите, помогите! Кто-нибудь, спасите!

Тут раздаётся Божий глас:

– Я здесь. Разожми пальцы, я тебя поймаю. Доверься мне, я тебя спасу.

Альпинист колеблется, потом снова кричит:

– Есть ещё кто-нибудь, чтобы меня спасти?»

Из скетча Дариуса Возняка «После меня хоть потоп».

– И речи быть не может! Даже не мечтайте.

– Но...

– Мне очень жаль. Я не стану помогать вам с расследованием. Я теперь отставной научный журналист, я все прекратил и не готов начать снова. Я хочу одного: чтобы меня оставили в покое.

На Исидоре Каценберге цветастая гавайская рубашка навыпуск, желтые пляжные шорты с фиолетовыми полосами, на носу узенькие солнечные очки, на ногах пляжные шлепанцы.

Лукреция Немрод удивлена, что он опять перешел с ней на «вы». Но после их последней встречи прошло целых полгода, и она заключает, что таким способом он дает ей понять, что она стала ему чужой.

Она вздыхает и окидывает взглядом берлогу журналиста-отшельника, бывшего вундеркинда этой профессии. Он давно поселился в башне, но башня эта особенная – водочка на границе Парижа, торчащая за метро «Порт-де-Пантен», посреди пустыря.

Исидор Каценберг переделал ее под жилье. Туда ведет центральная лестница. Гость попадает на островок диаметром два метра, засыпанный белым песочком, с двумя пальмами посередине. Островок окружен бассейном диаметром 50 и глубиной 5 метров.

По скрепленному лианами бамбуковому мостику гостья переходит на берег, где стоит кое-какая мебель, придающая этому жилищу подобие нормального вида. Роль спальни исполняет кровать с балдахином, роль кабинета – столик с компьютером, вместо кухни здесь кухонный уголок, вместо ванной – раковина в углу, «гостиная» отгорожена широким диваном, перед телевизором стоит низкий столик.

Невысокий бортик не позволяет волнующейся бирюзовой воде выплеснуться из цистерны.

Благодаря прозрачной крыше из любой точки этой круглой квартиры видно солнце, луну и звезды.

Настоящий райский островок где-нибудь посреди Индийского океана – чуть ли не в центре города!

– Почему ты... почему вы отказываетесь мне помогать?

– Дариус мне не нравился.

– Не нравился Дариус? Он же был ЦИКЛОПОМ! Любимейшим французом всех французов! Дариуса любили все.

– Что ж, я – не все. То, что ошибающихся много, не значит, что они правы.

Это я уже слышала...

– Дариус никогда меня не смешил. Его юмор всегда казался мне тяжеловесным и вульгарным. Он насмеялся над женщинами, иностранцами, больными. Он смеялся надо всем и не уважал ничего.

– Разве не для этого существует юмор?

– Если так, то я задаю вопрос: «Зачем мне юмор?» У ме-

ня вызывают презрение люди, которым обязательно нужно испытывать спазмы диафрагмы, когда какой-нибудь бедняга поскользывается на банановой кожуре или стоит мокрый после того, как его нарочно окатили водой из ведра.

– Но...

– Не настаивайте. По-моему, насмехаться над неудачниками, слабыми, над не такими, как мы, – недостойное занятие для развитого существа. Что главное в юморе? Приглашение подвергать поношению рогоносцев, пьяниц, безногих, толстяков, карликов, блондинок, бельгийцев, женщин, святых отцов, всех на свете. Не вижу ничего достойного в этом коллективном помешательстве. Смерть Дариуса Возняка – благо для всех, кому еще не изменили ум и хороший вкус.

– Но...

– И вообще, он не сам писал свои миниатюры. Он крал их или собирал анекдоты неизвестных авторов и подписывал их своим именем. Ему все сходило с рук.

Лукреция Немрод встряхивает рыжей копной волос.

– Я же говорю, начало расследования...

– Что там у вас? Орудие убийства – синяя шкатулка с буквами ВQT и предостережением «не смейте читать»? Почерневшая фотобумага? Видеозапись с грустным клоуном? И вы называете все это «началом расследования»? Надеюсь, вы шутите, мадемуазель Немрод?

Он намеренно мотает мне нервы!

Она внимательно его разглядывает. Бывшая звезда научной журналистики после их последней встречи заметно похудела. Но впечатление, что перед тобой большая кукла, никуда не делось: то же припухлое лицо, толстые губы, лысина, круглые точеные уши, высокий для таких габаритов рост – больше 1,8 м.

– Больше не могу тратить на вас время. Увы, у меня встреча с друзьями.

Друзья? Если я правильно помню, у него не было никаких друзей.

Он сбрасывает полосатые шорты, под ними обнаруживаются плавки в красный и синий цветочек. Он заменяет темные очки такими же узкими очками для плавания и затягивает на плавках шнурок.

Подойдя к своему бассейну, он изящно ныряет, не произведя ни малейшего всплеска.

Из воды весело выпрыгивают, приветствуя друга, два дельфина.

Это не пресная, а морская вода!

В прошлый раз она уже любовалась дельфинами в этом бассейне, придуманном специально для этих чудесных созданий.

Как красиво!

Как удивительно!

Как жаль, что я для него ничто!

Пока Исидор Каценберг плавает, она сидит и терпеливо

ждет.

– ОСТОРОЖНО! – внезапно кричит она. – ТАМ...

Она указывает на треугольный плавник, стремительно режущий воду.

Научный журналист высовывает голову из воды и деликатно сплевывает.

– ОСТОРОЖНО! АКУЛА! – вопит она.

Плавник приближается к беспечному пловцу.

Когда от страшных челюстей уже не увернуться, Исидор Каценберг протягивает руку и гладит чудище по спинке.

– Вас напугал Жорж? Я спас его, когда его прибило волнами к кубинскому берегу.

Он подплывает к ней и кладет локти на бортик.

– Жорж проглотил крючок, заброшенный кубинским рыбаком. Рыбаки собирались отрезать ему плавники, из них делают китайский суп, якобы усиливающий потенцию. Искалечив бедняг, рыбаки отпускают их. После этого акулы гниют заживо в океанской глубине, испытывая страшные муки. Но кого занимают страдания акул, принесенных в жертву ради эрекции у китайцев? Мой приятель из «Гринпис» пробрался на кубинский баркас и хотел вытащить акуленка из воды. Но его изрядно потыкали гарпуном, пришлось его лечить. И главное, подбадривать.

Что он несет? Как это – подбадривать акулу?

– Я называю его Жоржем, чтобы он не оставался безымянным. Жорж панически боялся людей, считал всех нас

опасными. У него была... как это назвать?... Человекофобия.

Она провожает взглядом удаляющийся плавник.

– У него развивалась паранойя. Необходимо было забрать его из океана, кишящего опасностями.

Да он совсем свихнулся!

– Я решил его усыновить. Сначала я боялся, что это будет трудно, но все получилось. Жорж считает себя Джорджем и отлично ладит с Джоном, Ринго и Полом, моими дельфинами. Жорж – белая акула. Его соплеменников ошибочно называют людоедами. Это существо из далекого прошлого. Акулы были современницами динозавров и с тех пор не претерпели никакой психологической эволюции. Она им ни к чему, потому что они – само совершенство. Фильм Спилберга «Челюсти» сильно им навредил, а теперь я пытаюсь реабилитировать этот вид.

Исидор Каценберг не спешит вылезать из воды. Он пытается прицепиться к плавнику акулы, чтобы та его покатила, но робкое существо не желает повиноваться и спешит прочь. Бывший научный журналист преследует его безупречным кролем. Акула ищет спасения на дне бассейна, он ныряет за ней, гладит ее, но, не добившись взаимности, выныривает.

– Знаю я его! Он боится. Это из-за вас, мадемуазель Немрод. Ваше присутствие его нервирует. Он знает, что я не причиню ему зла, а вот насчет вас сомневается. Я вас не выпроводил, вот он и не желает иметь со мной дела. Мостик у вас

за спиной, вы знаете обратную дорогу, не так ли?

И Исидор снова спешит в глубину, к зубастому другу.

Лукреция Немрод сидит неподвижно, следя за его грациозно скользящим в воде силуэтом.

Он высовывает голову и приподнимает очки.

– Вы еще здесь? Кажется, я вас отпустил. Спасибо. До свидания, мадемуазель Немрод.

Это сказано крайне сухим тоном.

Она мысленно ищет ключик к этому непроницаемому мозгу.

– Мне кажется, что вы – любитель игр и дерзких вызовов, Исидор. Давайте сыграем в «три камешка»: проиграете – придется мне помогать.

Он удивленно таращит глаза.

– Разве вы помните правила?

– А как же! Все просто. Каждый берет три спички, прячет в правом кулаке ноль, одну, две или три, вытягивает сжатый кулак. Играющие по очереди угадывают сумму спичек в обоих кулаках.

Из воды выпрыгивает дельфин, но она, не обращая на него внимания, продолжает:

– Получается цифра от нуля до шести. Если один из двоих называет правильную цифру, он выбрасывает одну спичку. Игра возобновляется. Кто первым остается без спичек, выиграв трижды, тот и победитель.

Исидор Каценберг колеблется, потом вылезает из свое-

го огромного бассейна, вытирается, обматывает полотенцем бедра.

Заглядывая в ее изумрудные глаза, он говорит:

– Почему бы нет, собственно? Согласен, сыграем в «три камешка» и решим, буду ли я вам помогать. Но если вы проиграете, я запрещаю вам беспокоить меня под любым предлогом.

Каждый берет по три спички, прячет у себя за спиной, потом вытягивает сжатый кулак.

– Ladies first⁷, мадемуазель Немрод.

– Думаю, в двух наших кулаках всего... четыре спички.

– Три! – возражает он.

Оба разжимают пальцы. На ладони у Лукреции две спички, на ладони у Исидора одна.

Журналист аккуратно кладет перед собой одну спичку.

Игра возобновляется. Теперь приходится угадывать цифру между 0 и 5.

Поскольку Исидор выиграл в первом раунде, он называет цифру первым.

– Пять.

– Четыре, – отвечает она.

Они разжимают пальцы. Спичек пять.

Исидор выкладывает следующую спичку. Дальше.

– Ноль! – говорит он.

– Одна.

⁷ «Дамы вперед» (англ.).

Оба демонстрируют пустые ладони.

Она в полном недоумении и не верит собственным глазам.

– Вы выиграли три раза подряд, а я ни разу. Как у вас это получилось?

– В конце, когда вы поставили максимум, я сказал себе, что в следующий раз вы для разнообразия поставите минимум. Простая штука, элементарная психология.

– С последним раундом понятно, а до того?

– Вы боялись проиграть и были предсказуемой.

Как же он меня раздражает, как раздражает!

Он уже налил себе овощного соку и украсил бокал зонтиком.

– Всего хорошего, Лукреция.

Она смотрит на мостик и не шевелится.

– Вы мне нужны, Исидор...

– Я не ваш отец, Лукреция. Сами справитесь.

Она подходит к нему, вынимает из кармана шкатулку и сует ему под нос.

– Хотя бы один совет, чтобы расследование двинулось в нужную сторону! Пожалуйста!

Он размышляет, глядя на шкатулку с буквами ВQT и с требованием «не смейте читать!».

– Гм... Первым делом надпись. Вспоминается знаменитый психологический принцип закрепления наоборот, предложенный Милтоном Эриксеном. Этот американский психотерапевт выстроил целую легенду на основании случая из

своего детства. Его отец, фермер, затаскивал корову в коровник, тянул ее за веревку, а скотина упиралась. Девятилетний Эриксон поднял отца на смех, а тот ему и говорит: «Раз ты такой умный, сделай лучше». И ребенок вместо того, чтобы тянуть корову вперед, потащил ее за хвост назад. Упрямая скотина сразу рванулась вперед и оказалась в коровнике.

– Какая связь между Эриксоном и Циклопом?

– Тот, кто нацарапал это на шкатулке, хотел побудить Дариуса прочесть. Иначе он, возможно, не сделал бы этого. Надпись «Прочти!» могла вызвать у него недоверие.

– Забудьте вашу науку, лучше помогите мне, Исидор! Я без вас не обойдусь.

Он меряет ее взглядом, улыбается. Медлит, потом небрежно произносит:

– Судя по тому немногому, что вы мне рассказали, я могу высказать догадку, что эта история со странной смертью выходит за пределы круга ее участников.

– Как это понимать? Перестаньте говорить загадками!

Он не торопится с ответом.

– Для меня, – слышит она наконец, – настоящий вопрос, над которым вам надо задуматься, чтобы раскрыть это дело, звучит так: «Почему на земле возник юмор?»

321 255 г. до н. э.

Восточная Африка, примерно там, где потом возникла Кения.

Два племени гоминидов заметили друг друга издали. Обычно небольшие бродячие стаи людей старались друг друга избегать. Но в этот раз, наверное из-за хорошей погоды, они решили схлестнуться с целью захвата чужих самок.

Вышла знатная свалка, все что было мочи лупили друг дружку палками и обработанными камнями, чтобы нанести неприятелю максимум потерь.

В центре поля боя два вождя, встав друг напротив друга, пытались испепелить друг друга взглядом.

Вождь племени с севера был низкорослым, с большими ногами. Вождь племени с юга был рослым и широкоплечим.

Вот они двинулись друг на друга.

Все внимание оказалось приковано к ним. Драка прекратилась, толпа присмирела и встала в два полукольца, чтобы поглазеть на столкновение своих главарей.

Те мерили друг друга взглядами, подбадриваемые криками соплеменников, грозно рычали, строили пугающие рожи, топали ногами, бешено вращали глазами.

Все предчувствовали великое единоборство, которое решит, какое из двух племен выживет.

С хриплым ревом вождь южного племени швырнул в глаза противнику горсть песка, и пока тот тер глаза, бросился на него и опрокинул. Потом южанин схватил здоровенный валун и высоко поднял, чтобы расколоть, как орех, голову поверженного врага.

За его спиной ликующее племя выкрикивало неразборчивое, но с явным смыслом: «Убей его, убей!»

Вождь южан принаравливался, как лучше ударить, чтобы череп северянина сразу раскололся.

На мгновение все затаили дыхание, притихла сама природа.

В этот самый момент с неба шлепнулся кусок помета стервятника, здоровенный, липкий, и куда – прямым в глаз человеку, замахнувшемуся камнем!

От неожиданности ослепленный южанин уронил камень прямо себе на ногу.

Он издал истошный визг, означавший «ой!», и запрыгал на месте, обхватив обеими руками ступню.

Для поваленного на землю все происходило замедленно. Сначала он чувствовал невыносимый страх смерти, потом это чувство сменилось другим – щекотным жжением в горле. Жар в голове и в горле распространился на рот, спустился в живот, у него свело диафрагму, изо рта с бульканьем вырвался воздух.

Все это длилось какие-то доли секунды, но, начавшийся физиологический процесс было уже не укротить.

Вождя северян скрутили сопровождаемые какими-то звуками судороги.

Он хихикал и не мог остановиться.

Тут же, словно мгновенно подхватив от него заразу, все остальные члены северного племени захихикали и заквакали от облегчения и от изумления этой свалившейся с неба нелепой развязкой.

Южное племя поколебалось и тоже дало волю целительному спазму.

Так происходило не впервые, но до сих пор смех возникал у отдельных людей, иногда охватывал семью, но внутри нее и стихал. В этот же раз несколько десятков собравшихся вместе людей смеялись почти что от души над одним и тем же происшествием.

Вождь южан, стерев с лица помет, хотел было продолжить то, что так успешно начал, но, видя, как веселится его племя, смекнул, что так поступать негоже. Подражая остальным, он тоже засмеялся. Убийство? В обоих племенах ни о чем таком больше не помышляли. Что-то изменило их настроение на противоположное.

Дошло до того, что два племени решили слиться в одно.

История о том, как в роковой момент с неба упал помет стервятника, передавалась из поколения в поколение. Ее раздували, разыгрывали в лицах, прославляли, обогащали подробностями. Но слушатели и зрители всякий раз покатывались со смеху, как будто поразительное событие происхо-

дило у них на глазах.

Так родился первый анекдот в коллективной истории смеха. Гораздо позже историки обнаружили, что именно тогда человеческий род сделал новый шаг в своей эволюции.

Большая история смеха. Источник: GLH.

Вороны устроили драку из-за расклеванного тупа мышонка с вывалившимися внутренностями, от которых идет пар.

Луcreция Немрод вернулась на кладбище Монмартр, где, миновав могилу певицы Далиды, добрела до могилы комика Дариуса.

«Я бы предпочел, чтобы в этом гробу лежали вы, а не я».

Вместо его фотографии на надгробии могло бы быть зеркальце.

«Любуйтесь собой, после меня настанет ваш черед кормить червей». Уверена, такие мысли могли бы его позабавить.

Она застывает перед могилой комика в глубокой задумчивости.

Я не откажусь от расследования.

Я найду твоего убийцу, Дариус.

Что посоветовал Исидор? Погрузиться в историю. Выяснить, как родилась первая человеческая шутка. Что могло впервые рассмешить наших предков?

Новый порыв ветра обрывает с деревьев листву.

Не пойму, в чем интерес, и вообще, где мне искать эту информацию? Кто мог ее записать? Кто это видел? Кто слышал? Кто мог рассказать другим? Никто. Именно, что

никто.

Ветер гонит облака, и они мчатся, как по срочному делу.

А взять меня: кто впервые рассмешил меня саму?

Она силится вспомнить первые мгновения собственной жизни.

Свое рождение.

Это было на кладбище.

Вот уж шутка что надо.

Она запускает руку в сумочку, достает пачку сигарет, пытается закурить, но ветер упорно гасит огонек зажигалки. Она наклоняется, загораживает огонек ладонями. Когда у нее наконец получается, она сильно затягивается, закрыв глаза.

Родители положили ее в могилу, на крышку гроба. Могильщик, найдя младенца, отнес его в больницу.

Начать там, где все всегда завершается, – не изысканная ли шутка судьбы?

Потом ее поместили в католический сиротский приют для девочек Нотр-Дам-де-ла-Совгард.

Давление религиозной морали приводило у нее и у ее товарищей к пресловутому эриксоновскому «закреплению наоборот», о котором говорил Исидор.

Только вместо «Не смейте читать!» им твердили: «Никакого секса!», «Никакой радости!», «Никакого удовольствия!»

Чем настойчивее от девушек требовали благопристойно-

сти, тем сильнее им хотелось познать грех.

Само это место словно подталкивало к грехопадению. Приют для девочек Нотр-Дам-де-ла-Совгард во всем совпадал с представлением Лукреции о замке Синей Бороды: провонявшие селитрой каменные стены, сырые подвалы, скрипучие дубовые двери и узкие темные коридоры.

В 15 лет под предлогом медосмотра (ее считали «отсталой») ее облапал «гость» приюта, родной братец матушки-настоятельницы, тоже священник и управляющий сиротским приютом, только для мальчиков. Позднее Лукреция выяснила, что развратник отказался от сана и заделался... председателем международного конкурса красоты.

По крайней мере нашел дело в соответствии со своей порочностью.

После этого инцидента у нее развилось глубокое отвращение:

- 1) к мужчинам,
- 2) к собственному телу.

В ее юном мозгу это были связанные вещи.

Не любя мужчин, она естественным образом потянулась к женщинам.

Не любя свое тело, она естественным образом стала... мазохисткой.

На следующий год она встретила необыкновенную возлюбленную.

Мари-Анж Джакометти была высоченной худющей брю-

неткой с волосами до самых ягодич и с духами, валившими наповал.

С ее лица никогда не сходила широкая улыбка, смех был мощный, как сирена.

Стоило Лукреции ее увидеть, как она «влюбилась».

Странное выражение – «упасть в любовь»⁸. Почему не «взлететь»? Наверное, потому, что все понимают: это падение, потеря. В глубокой «любви» теряешь себя.

Облака у нее над головой дробятся на хрустальные осколки.

В памяти явственно всплывает лицо бывшей любовницы.

Мари-Анж все было смешно, все вызывало у нее желание шутить, ее невозможно было представить угрюмой. Черные бездонные глаза, незабываемые, опиумные духи.

После неприятности с братом настоятельницы Лукреция занялась самоистязанием. Тело, причину ее мучений, следовало наказать. Она загоняла себе под ногти иголки, резала себя лезвием, чтобы чувствовать боль и учиться ее переносить.

Как-то раз Мари-Анж застала ее за нанесением себе порезов стрелкой от компаса и ласково сказала: «Хочешь, я тебе помогу?»

Она отвела ее к себе в комнату и закрыла дверь на засов. Раздела ее. Связала. Стала лизать, грызть, до крови укусила за шею.

⁸ Так буквально переводится французское *tomber amoureuse*.

Первый сеанс оставил у Лукреции приятное ощущение «нарушения запретов».

После этого девушки часто уединялись в комнате Мари-Анж. Чем сильнее Лукреция отдавалась извращенным играм с ней, тем больше верила в себя. В свою жизнь. Самоистязание осталось в прошлом. Она сделала себе пирсинг на языке и на соске. Наконец-то она могла сама решать, страдать ли ей, и если да, то как. Она выбрала себе палача, сама назначала себе пытки, и теперь никто не мог сделать ей так больно, как любовница.

Постепенно Лукреция Немрод становилась обаятельнее, сильнее. Улучшилась успеваемость. Не стало подавленности, тревоги. Девушка с изумрудными глазами построилась, прирастилась к спорту. Теперь ей хотелось, чтобы ее тело стало мускулистым, точеным, совершенным.

Готова служить. Готова наслаждаться.

У них выработался ритуал: Мари-Анж запирала дверь, зажигала свечи, включала музыку, чтобы заглушить стоны, — обычно моцартовский «Реквием».

После укусов начинались избиения розгами и истязания хлыстом. Изобретательности не было предела, и раз от разу Лукреция все больше наполнялась гордостью. Она могла предстать перед драконом и восторжествовать над ним, пускай измученная, могла обуздать свой страх, довериться палачу, переступить через мораль; если бы за ней наблюдали, то она повергла бы наблюдателей в шок.

Наконец-то хоть кто-то полюбил ее тело, проявил к нему внимание. Она знала, что, разыгрывая покорность, на самом деле сама принимает все решения, определяет заметность следов на теле, силу их любви. Выражение «подчиниться, чтобы главенствовать» как нарочно придумали для их игр.

А потом произошел «инцидент».

Вторая великая шутка в моей жизни после рождения на кладбище.

Дело было в субботу вечером.

Небо хмурится, вдали сверкают молнии, гремит гром, пока еще без дождя.

Лукреция Немрод глубоко вдыхает теплый воздух, медленно выдыхает, опускает веки.

Суббота, 10 вечера.

Как было у них заведено, две воспитанницы приюта сошлись в комнате Мари-Анж и разделись.

В этот раз любовница привязала ее к четырем углам кровати. Лукреция лежала на спине, совершенно голая, с завязанными глазами, с кляпом во рту.

Пошли ласки, поцелуи, укусы, розги.

Каждым нервом, каждым сантиметром кожи Лукреция чувствовала нарастающее запретное наслаждение, стонала, невзирая на кляп, под *Lacrimosa* Моцарта, звучащую все громче.

Вдруг поцелуи прекратились.

Лукреция ждала в волнении и нетерпении. Странно бы-

ло чувствовать обдувающий живот поток свежего воздуха. «Мари-Анж забыла закрыть дверь», – мелькнуло в голове.

Но вскоре послышались какие-то звуки, шуршание. Потом громкое «тсс!».

Все стало ясно, когда Мари-Анж сорвала с ее глаз повязку.

В комнату набилось десятка три девушек. Они окружили ее, вооруженные фотоаппаратами и телефонами.

Лукреция умирала от унижения. И тут Мари-Анж произнесла два страшных слова:

– АПРЕЛЬСКАЯ РЫБА!⁹

Суббота, 1 апреля!

Взяв фломастер, любовница нарисовала между ее грудей рыбину. Такого жуткого смеха, каким она это сопровождала, Лукреция не слышала ни до, ни после этого.

Ее великая любовь не только предала ее, но и выставила на посмешище перед всеми обитательницами их этажа в честь Дня смеха.

Ненавистное 1 апреля.

Мари-Анж не унялась: она отдала фломастер девчонкам, чтобы желающие разрисовали «апрельскими рыбами» все тело жертвы.

К первой рыбине добавился целый косяк, голов двадцать. Все от души хохотали над удавшейся шуткой.

Ненавистное 1 апреля!

Когда хохотушки убрались, Мари-Анж отвязала ее и по-

⁹ Так во Франции называют первоапрельские розыгрыши.

гладила по голове.

– Ты ведь поняла, что это шутка?

Лукреция молча оделась.

– Я рада, что ты не злишься. Я боялась, что ты начнешь орать и перепугаешь младших. Ключ к юмору – удивление. С первым апреля, Лукреция.

Она ласково потрепала ее по щеке и поцеловала в кончик носа.

Небо раскалывается от грозди ослепительных молний. Лукреция Немрод по секундам вспоминает все, что последовало за тем незабываемым 1 апреля.

Сначала она, глотая слезы, забилась в свою каморку. Потом необходимость погнала ее в душ. Там она бесконечно, до крови терла себя губкой, избавляясь от рыб у себя на груди, животе, руках и ногах. Но чернила успели въестись в кожу. Пришлось смириться и положиться на время. За недели и месяцы естественное отшелушивание должно было вернуть ее коже нормальный вид.

Завернувшись в полотенце, вся красная, с кровоточащим сердцем, она вернулась к себе, упала на кровать и дала волю неудержимым рыданиям.

Через некоторое время она машинально включила маленький транзистор у изголовья. Разглядывая себя, она не обращала внимания на шелестящий голос. Краснота спадала, и рыбы снова всплывали на поверхность, проявляясь на розовой коже. При их виде у нее отпали последние сомне-

ния.

Юная Лукреция достала бритву и занесла ее над за-
пястьем, над рыбьим хвостом. «С первым апреля!.. Это шут-
ка» – звучало у нее в голове.

Она отчетливо помнит прикосновение ледяного лезвия к
коже, помнит уже появившуюся бурую каплю крови.

«Подожди, не делай этого!»

Она замерла и услышала продолжение:

«...Не делай этого! – повторил голос. – Что толку? Здесь
нет рыбы.

Огорченный эскимос бредет дальше. Снова он пилит лед,
снова опускает в воду леску с наживкой на крючке. Он ждет,
сидя над полыньей.

– Здесь тоже нет рыбы, – снова раздается голос.

Рыбак оборачивается, ищет того, кто ему мешает, но ни-
кого не видит. Решив, что стал жертвой галлюцинации, он
идет дальше, делает во льду новую полынью, опускает леску
и ждет. Серьезный раздраженный голос не заставляет себя
ждать:

– Сказано тебе, нет здесь никакой рыбы!

Рыбак встает, грозит небу кулаком и кричит:

– Кто со мной говорит? Бог?

И голос отвечает:

– Нет, директор катка».

Из транзистора льется хохот.

Лукреция поневоле хихикает, вторя веселью в эфире, и ручеек жизни понемногу гасит испепеляющую лаву обиды.

Смеяться и одновременно кончать с собой затруднительно. Мышцы расправились, рука машинально положила бритву, чтобы сделать громче звук, она свернулась в калачик, как побитая собачонка, замороженная обращающимся к ней голосом. Принуждая ее смеяться, Дариус понемногу возвращал ее к жизни. Когда она наконец уснула, слезы успели высохнуть. У нее появился новый друг, она не знала его в лицо, только по голосу, но судьба одарила ее этой дружбой в нужном месте, в нужный момент.

Теперь Дариус Возняк, этот комик от бога, лежал под мраморной плитой. А тогда его еще не прозвали Циклопом, он еще не стал знаменитостью, только-только начал выбиваться из безвестности.

Сам того не зная, понятия не имея о ее существовании, он вызвал у нее смех и спас ей жизнь.

Все последующие годы Лукреция не оставляла попыток узнать о нем побольше. При любой возможности она посещала его выступления. Видя его на сцене, дыша одним с ним воздухом, смеясь над шутками, которыми он веселил публику, она чувствовала, как в ней возрождается и крепнет драгоценное чувство облегчения и довольства, которое она впервые ощутила, когда попыталась выпустить из себя кровь. Незаметно для нее Дариус превратился в члена семьи. Она, лишенная семьи, имела роскошь выбрать ее самой.

– Я перед тобой в долгу, Дариус, – шепчет она, обращаясь к надгробному камню.

– Я предпочла бы лежать в этом гробу вместо тебя, Дариус.

Лукреция Немрод покидает кладбище.

Проклятое 1 апреля!

Она бредет по улицам Монмартра, поднимается по улице Сен-Венсен. Она впитывает очарование старинного района, настоящей деревни, помнящей былые времена.

От порыва сырого ветра хлопают ставни в окнах кирпичных домов.

Добравшись до базилики Сакре-Кёр, она опускается на ступеньку высокой каменной лестницы и любуется панорамой Парижа. Столица полна бликов, тут и там поднимается дым, во все стороны движутся потоки красных и белых огней.

Короткая вспышка в небе, гром вдалеке, самая черная из туч проливается дождем. Люди, прогуливавшиеся и отдыхавшие вокруг нее, по большей части туристы, бросаются врассыпную, спасаясь от ливня.

Лукреция ежится, вбирает голову в плечи, с трудом зажигает новую сигарету и закрывает глаза.

Становится темно, и она остается одна, насквозь промокшая и стучащая зубами, на ступеньках Сакре-Кёр, в тусклом свете фонаря.

«Жильбер навещает в больнице соседа-японца, попавшего в серьезную аварию.

Зайдя в палату, он видит соседа всего в трубках, в гипсе, настоящую мумию. Японец не может шелохнуться, видны только глаза; кажется, он спит. Жильбер молча сидит у койки, наблюдая за ним. Вдруг японец открывает и таращит глаза.

– САКАРО АОТА НАКАМИ АНИОБА! – кричит он.
И испускает дух.

На похоронах Жильбер подходит к вдове и к матери умершего.

– Примите мои соболезнования... – Обнимая их, он продолжает: – Перед самой смертью он произнес последние слова: САКАРО АОТА НАКАМИ АНИОБА. Знаете, что они значат?

Мать падает в обморок, вдова смотрит на него в гневе.

– Скажите, что это значит? – не отстает Жильбер.

– ТЫ ЗАЖАЛ МОЮ КИСЛОРОДНУЮ ТРУБКУ, КРЕТИН!»

Из скетча Дариуса Возняка «Первые будут последними».

Выглядывает солнце – сначала охряное, потом оранжевое и наконец правильный желтый круг над горизонтом.

Позади у Лукреции Немрод бессонная ночь, полная блуждания под дождем и напряженных раздумий с сигаретой в зубах.

Она закашливается.

Надо бы бросить курить, не хватало стать как эта Тенардые или как пожарный из «Олимпии»: преждевременно состариться, покрыться морщинами и очерстеть душой.

Она давит сигарету каблуком.

Уже 9 часов утра, и она торопится к муниципальному моргу, где как раз открываются двери.

Заведение провоняло формалином, жиром и разложением.

Она блуждает по лабиринту коридоров.

Сюда попадают все трупы: и людей без имени, и знаменитостей.

Ее приветствует патологоанатом – стройный улыбчивый красавец, др-р П. Боуэн, судя по табличке на халате.

– Очень жаль, но раз вы не его близкая родственница, я не вправе делиться с вами информацией, мадемуазель.

Почему тем, кто хочет двигаться вперед, всегда чинят преграды?

Она роется в памяти, перебирая отмычки, отпирающие чужие души.

Купюра в 50 евро?

– Подкуп должностного лица? – звучит в ответ. – Подсудное дело, мадемуазель.

Молодая научная журналистка закопалась в своих отмычках. Приходится вспомнить перечень мотиваций, выявленных в ходе прошлого расследования:

- 1) боль,
- 2) страх,
- 3) материальный комфорт,
- 4) секс.

Она предполагает, что здесь, в случае с особью мужского пола, мог бы сработать ключик под номером 4.

Как бы ненароком, притворяясь, что ей жарко, она расстегивает две верхние пуговицы своей черной китайской блузки из шелка с вышитым красным драконом, пронзенным мечом. Появляется возможность полюбоваться полукружьями ее груди, не стесненных бюстгальтером.

– У меня всего пара вопросов.

Патологоанатом мнетя, поедая глазами ее грудь, пожи-мает плечами и подходит к полкам с папками.

– Что именно вы хотите узнать о Дариусе Возняке?

– Что стало причиной его смерти?

– Остановка сердца.

Лукреция Немрод включает в своем «Блэкберри» дикто-

фон, но для отвода глаз заносит карандаш над блокнотом.

– Любая смерть вызывается остановкой сердца, не так ли? Даже от укуса змеи или повешения. Я спрошу иначе: что вызвало остановку сердца?

– По-моему, переутомление. После выступления он был без сил. Мы не догадываемся, как это утомительно: два часа кряду заставлять публику смеяться. Это требует колоссального нервного напряжения.

– Как бы вы расшифровали три буквы: BQT?

Патологоанатом показывает на свои инструменты из нержавеющей стали.

– Так называется мой профессиональный комплект ланцетов, я покупаю их по скидке наборами по десять штук: «инструменты базового качества», по-английски Basic Quality Tools. Получается «Би-Кью-Ти», похоже на «бигуди». Трупам ни к чему инструменты из чистого серебра.

Он посылает меня по ложному следу. Напряжение не должно ослабевать, иначе он воспользуется любым предлогом и смоемся. Пускаем в ход призывной взгляд 24-бис, полуулыбку номер 18 – и берем его тепленьким.

– Мог ли Дариус умереть... от смеха? – спрашивает она.

Специалист в удивлении.

– Нет, смех не убивает, а лечит. Смех приносит только пользу. Существует даже смеховая йога, люди принуждают себя смеяться, чтобы подстегнуть иммунную систему и улучшить сон.

– От чего тогда можно умереть в закрытом помещении, если смерти предшествовал взрыв хохота?

Доктор Патрик Боуэн аккуратно закрывает папку и ставит ее на место.

– Наверное, у него были нелады со здоровьем. То, что он хохотал, прежде чем умереть, – чистое совпадение. С тем же успехом он мог бы играть на пианино или кататься на велосипеде. Это не значило бы, что его пианино или велосипед – убийцы. Скажем так: в процессе чего-то у него отказало сердце. Не более того.

Он берет колбу с формалином, в ней покачивается человеческое сердце.

– Уверен, если вы расспросите его родных, они подтвердят, что у него и раньше случались остановки сердца.

45 тысяч лет до н. э.

Восточная Африка, примерно нынешняя Эфиопия.

Лил дождь.

Стая людей, позже нареченных кроманьонцами, увидела пещеру и захотела в ней спрятаться.

Первых, кто туда сунулся, сожрала семейка львов-параноиков.

Остальные заколебались.

Решение подсказало небо: подожгло молнией валявшуюся рядом ветку. Ее схватил один из кроманьонцев.

Огонь помог прогнать львов, как те ни упорствовали.

В пещере племя собрало сухие листья и ветки и разожгло большой костер. Все, усевшись вокруг костра, наслаждались светом и теплом. И тут у входа в пещеру появились человеческие силуэты.

Они были почти такими же, но не совсем: чуть пониже ростом, чуть коренастее, лоб пошире и пониже, с сильнее выпяченными надглазными дугами, на шкурах, в которые они были одеты, было больше швов.

Кроманьонцы этого не знали, но позднее пожаловавших к ним в пещеру нарекут неандертальцами.

Дождь лил все сильнее, два племени, кроманьонцы и неандертальцы, изучающе смотрели друг на друга. Те и дру-

гие слишком устали, чтобы затевать ссору.

«Нам и так достается от капризов матушки-природы, не хватало добавить к ним внутривидное насилие», – рассуждало большинство.

Вновь прибывшим позволили разместиться у живительного пламени.

Все разбились на семейные кучки и для пущей уверенности почесывали друг дружку, ища блох.

При вспышках молний матери прижимали к себе испуганных грозой малышей.

Один кроманьонец, превосходивший соплеменников любопытством, встал, подошел к чужакам и проворчал нечто означавшее:

– Ничего погодка, бывает и похуже, вы так не считаете?

На что неандертальцы ответили ворчанием, означавшим:

– Что вы такое говорите?

Так зародился диалог.

– Вам не будет трудно повторить? Что-то я вас не пойму.

Но собеседник в ответ только гримасничал и мотал головой.

– Положительно, я вас не понимаю. А не понимаем мы друг друга потому, что говорим на разных языках.

Другой подошедший кроманьонец спросил:

– О чем это он тебе толкует?

– Не знаю. Я предупредил его о возможности проблем с взаимопониманием, потому что мы определенно изъясняем-

ся на разных языках.

В конце концов раздраженный неандерталец встал, подобрал обожженную палку и нарисовал на стене пещеры зигзаг, означавший молнию.

Кроманьонец, наклонив голову и расшифровав послание, в ответ поднял уголек и нарисовал рядом с зигзагом стоящего человечка с удивленно разинутым ртом.

Это означало: «Я ничего не понимаю».

Довольный, что завязался этот диалог в виде картинок, превосходящий эффективностью звуковой, неандерталец изобразил над зигзагом кружок – пухлую круглую тучу, сыплющую молниями.

Кроманьонский человек предположил в этом намек на плод со стеблем и указал на свой рот, имея в виду: «Полагаю, вы нарисовали еду, значит, вы голодны?»

Пока собеседник раздумывал, кроманьонец нарисовал человечка побольше, разинувшего рот, чтобы съесть плод.

Соплеменники сопровождали каждый этап диалога одобрительными в целом комментариями.

Наконец, разозлившись, что его не понимают, неандерталец вышел из пещеры и ткнул пальцем в небо, указывая на темную тучу.

В этот момент ударившая из облака молния угодила в мокрый палец, сыгравший роль громоотвода. Гоминид рухнул как подкошенный.

Это было так неожиданно, что все неандертальское племя

застыло с разинутыми ртами.

Кроманьонца же осенило: «Ага, он говорил не о плоде, а о грозовой туче!»

Осознание собственного замешательства повлияло на него странным образом: он почувствовал щекотание в животе и расхохотался.

Это возымело последствия.

Пока все кроманьонцы давились от смеха, неандертальцы, потрясенные гибелью своего смышленного соплеменника, решили не есть и не выбрасывать его, а зарыть в глубине пещеры.

Так благодаря юмору человечество перешагнуло важный рубеж в своем развитии. Теперь неандертальцы хоронили своих мертвецов, а кроманьонцы рисовали на стенах пещер. Часто это был кружок, от которого отходил зигзаг, и человек не рядом, а под ним, как того требовала приверженность истине.

И всякий раз, когда какой-то кроманьонец рисовал круглое облако, молнию-зигзаг и человека с разинутым ртом внизу, его племя покатывалось со смеху.

Так кроманьонец изобрел карикатуру и комикс.

Считается, что именно тогда гомо сапиенс превратился в гомо сапиенс сапиенс, то есть в современного человека.

Что касается неандертальцев, то они, не додумавшись до юмора второй степени, вымерли.

Большая история смеха. Источник: GLH.

У мужчины низкий лоб, широкие плечи, квадратный подбородок, роль разговора у него играет исходящее из живота урчание. Только розовый костюм прямоугольного покроя не позволяет признать в нем прикинувшуюся человеком гориллу.

Молодая журналистка Лукреция Немрод показывает свою карточку прессы. Охранник звонит своему начальнику, тот – своему, только после этого ее пропускают в частный парк.

Лукреция едет по парку на своем мотоцикле и восторгается открывающейся ее взору красотой.

Дариус Возняк построил не просто виллу, он создал настоящий миниатюрный Версаль с такими же гравийными аллеями, французскими садами, фонтанами и скульптурами.

Перед U-образным дворцом Дариуса выстроились роскошные машины.

В центре двора стоит вместо статуи Людовика XIV статуя самого Дариуса с приветственно поднятой рукой.

Высоко на флагштоках трепещут на ветру розовые знамена с символом комика – глазом с сердцем внутри.

Стоит молодой журналистке поставить свой мотоцикл с коляской рядом с вызывающе шикарным авто, как к ней подбегает ливрейный лакей, вооруженный зонтом.

Мать Дариуса, Анна Магдалена Возняк, – дама 78 лет с

несколько скованными манерами, на ней черное декольтированное платье с кружевными рукавами. На шее у нее ожерелье из крупного жемчуга. Жир на лице прорезают глубокие морщины, на голове сооружена сложная старомодная прическа.

– Болезнь сердца у Дариуса? Ничего подобного! Я даже больше вам скажу, мадемуазель: как раз наоборот! У моего Дариуса было железное здоровье. Он занимался спортом, в том числе требующим выносливости. И не испытывал никаких проблем. У него было крепкое, тренированное сердце, как у всех наших родственников. У нас в роду есть даже чемпион марафона. Его дед был олимпийским чемпионом по плаванию.

– Пожалуйста, расскажите мне о его детстве, мадам Возняк.

Старая женщина опускается в глубокое кресло, накрытое вышитой накидкой, и, не переставая говорить, принимается вязать, удлинняя на глазах не то шарф для карлика, не то носок для великана.

– Хотите услышать правду, милая девушка? Правда в том, что все мы были ужасно бедны. Польская семья, приехавшая во Францию после Первой мировой войны и работавшая в шахтах на севере страны... Потом шахты закрылись, и мои родители потеряли работу. В семидесятых мы переехали в северный пригород Парижа. Там, на свадьбе родственников, я познакомилась с моим будущим мужем. Он тоже был по-

ляком, работал механиком в гараже. Но он был алкоголиком, в конце концов врезался на машине в платан и погиб. Мне было очень трудно: ни гроша и четверо детей.

– У Дариуса были братья и сестры?

– Я родила трех мальчиков и девочку. Старший – Тадеуш, потом Леокадия, третий – Дариус и последний – Павел.

Лукреция строчит в блокноте, не поднимая глаз.

– Насколько обаятельным был Дариус – я называла его Дарио, – настолько Павел был робким. У Леокадии был решительный характер. Один Тадеуш был по-настоящему суров, но в младшем брате души не чаял. Странно, Павел очень похож на Дариуса.

Лукреция старается, чтобы собеседнице было с ней легко. Она не забывает, что вежливость и улыбка – полезнейшие насосы для выкачивания информации.

– Каким был Дарио в молодости?

– В нем очень рано проснулся талант шутника. Хотите, скажу, мадемуазель? Он побеждал беду смехом. Когда погиб его отец, он сочинил сценку про «платан, не увидевший папу». Он рассказывал об аварии с точки зрения дерева. Слушать было тяжело, но при этом... ужасно смешно.

При этих воспоминаниях взор Анны Магдалены устремляется ввысь, на губах появляется неуверенная улыбка.

– Это была его изюминка: взять голую, страшную, пугающую правду, перевернуть ее вверх дном и превратить в шутку, которая позволит нам расслабиться. Смеяться над смер-

тью родного отца, перейдя на точку зрения убившего его платана, – для этого, скажу я вам, нужна смелость.

Лукреция Немрод внимательно разглядывает гостиную. Здесь тоже чувствуется влияние другого, королевского дворца. Потолок блещет позолотой, комната перегружена тяжелой мебелью, увешана зеркалами, заставлена античными скульптурами. На полу ковры с разными мотивами, как цветочными, так и гораздо более сложными. Не соответствует излюбленной эпохе всего одна, но важная деталь: лица и сюжеты на фотографиях в позолоченных рамках. Это диктаторы, атомные грибы и всевозможные катастрофы. Подпись гласит: «По-вашему, это смешно?» И ниже автограф Дариуса. Похоже, ему было важно взглянуть на все это по-своему.

Его мать, оставив мизинец, наливает чай.

– Потом, когда моя дочь Леокадия умерла от рака поджелудочной железы, Дариус и это превратил в шутку: поставил скетч «Моя сестра поторопилась».

– Как вы сами пережили смерть мужа и дочери?

– Я нищенствовала с тремя детьми на иждивении. Подруга, находившаяся в таком же положении, предложила мне подрабатывать по вечерам официанткой в баре. Сначала я отказалась, но потом согласилась. Следующее предложение подруги было зарабатывать больше: она привела меня в бар, где надо было раздеваться. Я опять сначала отказывалась, а потом согласилась. Но подруга все не унималась: теперь она пригласила меня работать в доме терпимости.

– Вы отказались?

– Там я больше зарабатывала.

– Учтите, я не прошу все мне выкладывать.

Пожилая дама поправляет свою сдобренную лаком прическу, встряхивает драгоценностями.

– Хотите начистоту? Я не боюсь своего прошлого, мадемуазель. Я принимаю его. Хотите понять, кем был Дариус, – постарайтесь понять, кем была я. Его мать.

– Конечно, простите. Я слушаю.

Она облегченно продолжает:

– Я стала работать в борделе в парижском пригороде. Вот я это и произнесла.

Лукреция Немрод делает вид, что записывает.

– Это оказалось не так сложно, как я представляла. Мужчины – дети. Большинству клиентов хотелось поболтать, хотелось, чтобы их слушала женщина, ни в чем их не упрекающая. Не то что жена!

– Конечно.

Сейчас она начнет описывать во всех подробностях каждого клиента. Спасите! Набираемся терпения, улыбаемся.

– Я передевала их в девочек, в рыцарей, в хулиганов, в младенцев. Лучшее всего мне удавалось их пудрить, посыпать тальком зад, шлепать по попе. Это все равно что психоанализ, только дешевле, больше внимания, а еще их не стесняются трогать. А им страсть как хочется прикосновений. Это и убивает современное общество – нехватка телесного кон-

такта.

Она хватает журналистку за руку и сильно стискивает.

– Естественно! – поддакивает та.

– Среди моих клиентов был клоун по кличке Момо. Тот-то и верзила в парике, с повадками хорька, но он меня смешил. Я ему и говорю: «Каждый раз, когда ты будешь меня смешить, я не стану брать с тебя деньги за любовь». Ну, он и рад стараться...

– Естественно.

Лукреция опасается, что ее набор стимулов уже на исходе.

– У Момо хорошо получалось! Это помогало мне терпеть жизнь за стенами борделя. После смерти дочери три сына не давали мне соскучиться! Дариуса выгнали из школы: он намазал учительский стул клеем. Шутка в дурном вкусе, скажу я вам! Я заперла его дома, пусть лучше бездельничает, чем слоняется по улицам.

– Могу себе представить.

– Потом он взорвал здоровенную петарду, разнес витрину магазина, тяжело ранил прохожего и провел три дня в каталожке. Тогда я решила, что пора пристроить его к какому-нибудь достойному делу, не то будет худо. Вовремя пришли на память слова моей матери: «Лучше укреплять сильные места, чем удерживать слабые». Будь он постарше, я бы отвела его работать в магазин, но для семнадцатилетнего требовалось что-то другое... Вот я и надумала использовать знакомство с клоуном Момо. Я подумала, что человек,

умеющий вызывать смех, не может быть злым. Ну, вы меня понимаете...

– Прекрасно понимаю.

– Я сказала Момо: «Мой сын – гений юмора, он как никто умеет вроде бы в шутку говорить правду! Но его юмористическая энергия направлена не в ту сторону».

– Понятно.

– Момо не был знаменитым комиком, но его представления кое-как посещали, и он умудрялся зарабатывать на жизнь. Я познакомила его с моим Дарио, он разыграл сценку «Мама наконец нашла работу», в которой насмеялся надо мной, официанткой, пошедшей в проститутки. Не надо вам объяснять, что у него был талант надавить на больное место. Момо был покорен.

– Неудивительно.

Теперь Лукреция тщательно все записывает, жалея, что не делала этого раньше.

– Момо мне говорит: «У него врожденный талант, но этого мало. Я стану его учить. Но нужно уважение. Одну вещь ему придется уважать: юмор». Вот ведь какой парадокс: юмор – это очень серьезно!

– Несомненно.

– «Серьезность юмора» – это вам не шутка. Момо потребовал, чтобы мой Дарио называл его учителем, а сам стал называть его учеником. Уроки проходили в заброшенном цеху, потому что Момо считал, что у занятий не должно быть сви-

детелей. Он учил его благородному клоунскому искусству: жонглировать, играть на трубе, плевать огнем, даже, простите, смешно рыгать и пукать. По его словам, это входит в арсенал комика, на случай если не работает все остальное.

– Неужели?

– Однажды, когда Момо и Дарио занимались в своем заброшенном цеху, на них свалилась сверху стальная балка. Момо погиб, мой сын был тяжело ранен.

– Это тогда он лишился глаза?

– Глаз ему выбила торчавшая из балки арматура. Он тяжело переживал случившееся. Но, поправившись, сочинил свой знаменитый скетч «В стране зрячих одноглазые – короли». Ну, вы помните: «Хватит одного глаза, второй – излишество, особенно при аллергии на пыльцу...»

Мать комика, вспоминая его драму, тяжело вздыхает.

– Момо успел обучить Дарио. Я знала, что мой малыш встал на правильный путь и в один прекрасный день станет лучшим из лучших, добьется всеобщего признания. Я это знала, он тоже, я поощряла его идти по этому пути. Дарио обратился к продюсеру представлений Момо, вы знаете эту фамилию – знаменитый Стефан Крауз, и предложил его нанять.

– Что?.. – переспрашивает утомившаяся Лукреция.

– Тот ответил: «Ну-ка, рассмеши меня». Перевернул песочные часы и сказал: «У тебя есть три минуты».

– Три минуты на то, чтобы насмешить незнакомого чело-

века?

– Это же мой Дарио! У него получилось. Стефан Крауз включил его в программу и предоставил средства, чтобы он стал звездой.

Рассказчица вдруг замолкает и недовольно щурится. Ее беспокоит что-то, происходящее за спиной у Лукреции.

Та оборачивается и видит за окном розовый «Роллс-Ройс» и розовый мотоцикл «Харли Дэвидсон», тормозящие на гравии двора.

Из лимузина вылезают два недомерка и один широкоплечий верзила.

Троица поднимается по ступенькам и вваливается в гостиную.

– Тадеуш, Павел! Я как раз рассказываю о вас.

Старший презрительно указывает подбородком на Лукрецию.

– Что еще за новости? – спрашивает он.

Мать разливает чай.

– Успокойся, Таду. Это журналистка крупного еженедельника «Геттёр Модерн». Она пришла взять у меня интервью о Дарио.

Лукреция видит, что младший брат Павел похож на Дариуса, только более щуплый и робкий. Третий, детина во всем розовом, – их охранник, выдрессированный питбуль.

– Мама, мы уже все рассказали всем на свете журналистам! Сколько еще будет длиться этот базар? Хватит! Есть

время говорить и время заткнуться. Ты слишком болтлива, мамочка, жаль, что ты этого не понимаешь.

– Я рассказала ей только самое главное.

– Главное, ты не знаешь, что такое стыд. Надеюсь, ты умолчала о своем прошлом?

В этот раз пожилая дама ставит свою чашку на стол.

– Иногда мне кажется, что ты меня стыдишься, Таду.

– Пойми, мама, журналисты – это гиены, пожиратели трупов. Не видишь, что ли, как они нюхают еще теплую могилу нашего брата, чтобы что-то из нее выжать? Эта особа – наемница, она работает за деньги. Как она их зарабатывает? Понятно как: вывалив самое жареное, самое неудобное для нас. Рассказывая ей о своей жизни, ты делаешь ей подарок, на который она ответит плевком.

– Это правда, мадемуазель Немрод? Вы такая?

Благородная мать уязвлена до глубины души.

Тадеуш обращается к своему двуногому псу:

– Вышвырни ее вон!

Лукреция вскакивает и отбегает в сторону.

– Я интересуюсь только жизнью и смертью Дариуса. У меня есть версия, которую никто еще не выдвигал.

Тадеуш Возняк останавливает своего телохранителя.

– Выкладывайте!

– Я считаю, что Дариус умер не от сердечного приступа.

Это убийство!

Воцаряется тишина. Семья удивленно переглядывается.

– Не верю! – скрежещет зубами Тадеуш.

– Пожарный говорит, что, прежде чем упасть, он несколько минут громко хохотал.

Старший брат напряженно морщит лоб.

– А еще я нашла вот это, – добавляет молодая журналистка и достает синюю шкатулку с буквами ВQT и надписью «Не смейте читать».

Теперь Тадеуш не может не нахмурить брови.

– Это лежало в его примерке, под креслом.

Тадеуш берет шкатулку, внимательно ее разглядывает и отдает обратно.

– А как вам вот это?

Она показывает ему нечеткую фотографию грустного клоуна с большим красным носом и вытекающей из глаза слезой.

Он долго не выпускает снимок из рук, потом, качая головой, возвращает и его.

– Если вы спросите, кому выгодно это преступление, я могу назвать вам конкретное имя. Если есть кто-то, заинтересованный в смерти моего брата, то только этот человек.

«В далеком канадском лесу охотник начинает заготавливать дрова в преддверии больших холодов.

Через час он делает перерыв и задумывается: «Хватит ли мне дров, чтобы продержаться всю зиму?»

Тут появляется старый индеец, шаман-ирокез.

– Скажи, мудрец, – обращается к нему охотник, – суровая будет зима?

После долгих раздумий индеец отвечает:

– Да, бледнолицый, суровая зима.

Охотник, решив, что нужно еще дров, возобновляет работу.

Еще через час он снова задумывается, не довольно ли нарубил дров, и снова спрашивает шамана-ирокеза:

– Ты давно здесь живешь, скажи, зима и вправду будет суровой?

И снова индеец отвечает, глядя на него:

– Да, очень суровая зима.

Испуганный охотник снова начинает махать топором.

Индеец опять появляется через час, опять слышит вопрос и опять предупреждает:

– Суровая-суровая зима.

Охотник прерывает работу и спрашивает мудрого индейца:

– Как же вам удается предсказывать погоду?

– У нас есть старая поговорка, – отвечает шаман. – Чем больше дров заготовит бледнолицый, тем суровее будет зима».

Из скетча Дариуса Возняка «Странные иностранцы».

По извилистым улочкам гуляет ледяной ветер.

Март на дворе, а похоже на разгар зимы.

На обратном пути Лукреция Немрод останавливается у зоомагазина и покупает золотую рыбку, вернее, сиамского императорского карпа. В дополнение к карпу приобретается аквариум, гравий, баночка дафний, флуоресцентная лампа, насос, набор пластмассовых водорослей, домиков и разных предметов.

Дома она вываливает свои покупки на стол, рядом с компьютером.

Засыпает дно аквариума цветным гравием, монтирует насос, раскладывает по дну пластмассовые украшения, наливает воду, включает лампу, запускает насос. Вверх поднимаются столбик пузырей.

Отлично.

Лукреция запускает карпа в его новое жилище.

Возможно, у меня не такие способности к журналистским расследованиям, как у Исидора, зато у меня есть рыбка. Для начала подберем ей имя. Что-нибудь посолиднее, чем Джон-Пол-Жорж-Ринго. Например, имя страшного кита – Левиафан. Быть тебе сказочным Левиафаном!

Молодая журналистка наблюдает за рыбкой, подносит палец к круглому люку.

– Давай, Левиафан! Знаю, я почерпну у тебя вдохновение! Она сыплет в воду щедрую горсть дафний.

– Не бойся разжиреть! Если ты сильно вымахаеть, я переселю тебя в более просторный аквариум. Кто знает, может, я еще познакомлю тебя с рыбками из аквариума Исидора. Они, конечно, мастера выпендриваться, но на самом деле симпатичные ребята. У акулы, конечно, невроз, но тебе так только спокойнее.

Карп выпускает несколько пузырьков, гадая, что за чудо-вище маячит за прозрачной стенкой.

Потом, с достоинством махнув волнистым оранжевым хвостом, он исследует свою новую квартиру, отдает должное рифу, пускающему пузыри миниатюрному пиратскому кораблику и водорослям, смекает, что угодил в стеклянную тюрьму, и прячется за рифом, чтобы там, в покое, осмыслить все предшествовавшие пятьдесят дней своей жизни.

– Рыбка станет рыбиной, – говорит Лукреция. – Пусть мы меньше некоторых, это еще не значит, что у нас не получится надавать им по физиономии, ты согласен, Левиафан?

Она строит гримасы, и рыбка говорит себе: «Пока опасность так близко, я будут прятаться за камнем. Уберется – тогда, так и быть, помассирую себе брюшко пузырьками».

Рыбка ждет. «Только без паники. Здесь меня все пугает, но есть же у этой ситуации какой-то смысл? Где моя мать? Мои братья? Мои друзья? Куда подевалась Природа? Я – свободная рыба, а не неодушевленная цифра! Смотрите-ка,

еда! Наилучший способ побороть стресс – насытиться. Фу, сушеные трупики!»

Лукреция Немрод довольно наблюдает, как карп поедает замороженных дафний.

– Уверена, малыш Левиафан, мы с тобой натворим больших дел!

Она решает принять душ и заодно вымыть голову.

Она долго стоит под горячим душем.

Выйдя из ванной с мокрыми волосами, она подумывает, не посетить ли салон – для нее это лучшая психотерапия. Она всегда считала, что среди людей, способных слушать про чужие беды, первые места распределяются так:

- 1) парикмахеры-стилисты,
- 2) гадалки,
- 3) психоаналитики.

Предпочтение без всяких оговорок отдается стилистам: они не только вас слушают, но при этом еще и массируют вам скальп.

Увы, ее финансы находятся в плачевном состоянии, и она вынуждена признать, что стилисты – самая дорогая для нее профессия «слушателей». Тем более что ее мастер с недавних пор величает себя «ландшафтным дизайнером по уходу за волосами», и это сразу серьезно увеличило его тариф за консультацию.

– Ничего не поделаешь, – бормочет она.

Придется уделить время совершенно необходимым в кри-

зисный момент процедурам: 10 минут на обработку шевелюры шампунем, 5 минут на втирание в кожу головы освежающего геля-бальзама, 15 минут на сушку, расчесывание, укрепление волос при помощи профессионального суперфена «Самсунг» мощностью 2000 ватт – последнего писка сушильной моды и самого ценного оружия в ее арсенале.

Суша волосы, она раздумывает о своей хрупкости и уязвимости. У нее разработана система выживания, препятствующая новым суицидальным порывам:

1) обильное потребление «Нутеллы» (при этом она втайне лелеет надежду, что в продаже появится «Нутелла» с нулевой жирностью, хотя это было бы чудом, а в чудеса ей слабо верится);

2) обгрызание ногтей (это занятие заброшено пять лет назад, но может быть возобновлено при любом пикировании настроения);

3) стилист Алессандро заразил ее страстью (в порядке убывания) к Элтону Джону, принцессе Диане, фильму «Приключения Присциллы, королевы пустыни», спортивным велосипедам марки «Ралей» и греческой кухне на оливковом масле (правда, в данный момент он переживает личную драму и ходит мрачный);

4) анксиолитики в смеси с солодовым виски 15-летней выдержки (крупное неудобство – сильная изжога);

5) изгнание своих любовников (правда, она только что это проделала – и не исцелилась).

Можно было бы добавить шестую позицию: завести настоящего друга.

Высушив волосы, она навещает свою рыбку.

Как насчет того, чтобы стать моим другом, Левиафан?

– Чувствую, ты не станешь меня обманывать, в отличие от других побывавших здесь самцов.

Чмокнув аквариум, она случайно роняет на пол целую банку дафний и вынуждена собирать их кофейной ложечкой.

Может, я слишком нервничаю?

Далее она приступает к занятию, не доставляющему ей сильного удовольствия, но помогающему справиться с чувством тревоги. Оно идет под седьмым номером и называется «удаление рыжих сорняков» – волос с тела.

После длительных колебаний и очередной констатации, что гардеробчик маловат, она выбирает, что надеть.

Забыла про еще один способ расслабиться: 8) шопинг. Какая женщина посмеет признаться мужчине, что настоящая точка G – та, которой заканчивается слово «шопинг»?

Она улыбается. Эта шутка тоже из репертуара Дариуса. Она тут же решает вернуться к расследованию гибели утраченного друга.

Она запускает видео с подборкой самых знаменитых сценок Дариуса Великого «Друзья наши звери».

Что сказал Исидор? Что Дариус либо воровал чужие шутки, либо ставил свое имя под безымянными. Может быть, но он умел представлять их на сцене – этого у него

не отнять.

Она вспоминает белобрысого человечка в розовом костюме, с черной повязкой на глазу и красным носом.

Какая энергия! Какой мимический талант, какой постановщик, какое обаяние! Он играл легко.

Теперь, когда она кое-что знает о его прошлом, его скетчи о смерти отца, о смерти сестры, о матери-проститутке кажутся ей верхом честности и небывалой отваги.

Он по-своему подвергал себя психоанализу, призывая миллионы людей в свидетели своих терзаний. Смех как способ справиться с несчастьем.

Лукреция Немрод останавливает видео с Дариусом и закуривает сигарету.

Справиться с несчастьем.

Она вспоминает «дни после происшествия с Мари-Анж».

Сперва неделя прострации в своей комнате.

Ни прически, ни «Нутеллы», ни анксиолитиков в виски, ни золотой рыбки, ни любовника, которого можно было бы выставить за дверь. Только и оставалось, что до крови грызть ногти.

Естественно, весь приют Нотр-Дам-де-ла-Совгард был в курсе «происшествия 1 апреля». Ей объявили бойкот. Ее изгнали, как прокаженную, как будто боялись заразиться ее несчастьем.

Юная Лукреция Немрод перестала посещать занятия, и никто ее за это не корил.

Никто ее не беспокоил. Работница столовой приносила ей на подносе еду.

Она стала полнеть. Много спала. Не желала никого видеть.

Потом одна девушка все же захотела с ней поговорить. Сказала, что поступок Мари-Анж был «неправильным», что воспитанницы обсудили его и сожгли все фотографии.

Молодая Лукреция надменно ответила:

– Жаль, уверена, среди них были очень удачные.

Она включила запись скетча «Эскимос и рыба» и внимательно прослушала, как будто искала в анекдоте скрытый смысл.

Рыба здесь не водится... Это директор катка.

Ее вывод: она тоже неверно ставила проблему, цель, зря злилась. Вместо рыбалки надо было встать на коньки, раз это был каток. Надо было меняться.

Одна шутка ее убила.

Другая шутка спасла.

Новая шутка возродит.

Но сначала предстояло принять болезненные решения.

При линьке змея слепнет.

Она взяла на кухне большой мясницкий нож и пошла убивать Мари-Анж.

...Так кончаются хорошие шутки, думала она, сжимая рукоятку ножа. В голове уже звучал ее собственный голос, проносящийся при погружении ножа в сердце: «Апрельская рыба!»

Удар ногой – и замок не выдержал, дверь распахнулась. Мари-Анж не оказалось в комнате.

Ее мучительница сочла за благо улизнуть. Но она оставила ей записку: «Не обижайся, Лукреция. Это была просто шутка. Я тебя люблю и всегда буду любить. Твой ангел Мари».

К записке была приклеена скотчем фотография, сделанная 1 апреля.

Так и не смогла удержаться от смеха.

Девушка порвала фотографию с невыносимым чувством, что у нее украли месть.

В голове сложилась фраза, чтобы остаться там навсегда: «Никогда больше я не буду жертвой».

После этого она стала усиленно осваивать боевые искусства. В корейском тхэквондо она обнаружила подходящий для нее уровень насилия и эффективности боя. Китайское кунг-фу она сочла танцем, японское карате – слишком первобытным. Сочетание тхэквондо с израильской крав-мага показалось ей приемлемым способом достойного выхода из безвыходных с виду ситуаций. Это сочетание она назвала сначала «приютским квондо», потом «квондо Лукреции». В нем не было запрещенных приемов, рекомендовались самые сокрушительные.

Проверяя действенность своего искусства, она заделалась хулиганкой. Она обожала драки, искала конфликтов, наносила первый удар, не вступая в спор.

Малейший жест мог вызвать у нее ярость.

А поскольку слабых неудержимо притягивает насилие сильных, особенно неспровоцированное, у Лукреции появлялось все больше подруг. В конце концов она стала главарем банды.

Отныне законы в спальнях Нотр-Дам-де-ла-Совгард диктовала она.

Ее размышления прерваны настойчивым стуком в дверь. Возвращение к действительности.

Она смотрит в глазок и видит за дверью любовника, выгнанного накануне.

– Прости, я виноват. Я сожалею! – слышит она.

Лукреция позволяет ему позвонить раз, другой, третий, после чего отпирает дверь. И, ни слова не говоря, наносит удар головой. Звук как при ударе молотком по кокосовому ореху. Парень отшатывается, качается, его лоб разбит в кровь.

– Знаю, это паршиво выглядит, просто я собираюсь бросить курить и заранее нервничаю.

После этих слов она захлопывает дверь и закуривает.

Она ждет, он не возвращается.

Она бредет обратно в комнату, садится, запускает последний скетч Дариуса, заканчивающийся словами: «И тогда он прочитал последнюю фразу, расхохотался и умер».

Ее тревожит эта фраза.

Неужели Дариус знал, что умрет? Может, он этого хотел? Если так, то это был не пророческий скетч, а вызов

убийцы.

Она смотрит на Левиафана, взбодренная новым поворотом.

– А что смешит тебя?

Карп подплывает к стеклу и, глядя на тревожащую его массу за стеклом, выпускает пузырь.

«Жилец спорит с хозяином.

– Уверяю вас, в моей квартире есть мыши.

– Ничего подобного, – отвечает хозяин, – эта квартира без изъянов.

Жилец кладет на пол кусочек сыра, и мышь шмыгает через комнату так быстро, что ее трудно заметить.

– Мало ли что... – бормочет хозяин.

Жилец бросает несколько крошек сыра. Появляется одна, вторая, третья мышь, золотая рыбка, четвертая мышь.

– Ну, теперь видели?

– Видел. Еще я видел золотую рыбку. Что это значит? Взбешенный жилец кричит:

– Сначала разберемся с мышами, проблему сырости будем решать потом!»

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Громыхающий, плюющийся выхлопом «Гуцци» останавливается перед дверью, за которой, судя по крупной надписи по бронзе, расположена фирма SKP, «Стефан Крауз Продакшен».

Само здание, одно из детищ барона Османа, громоздится в 16-м парижском округе. Пол в холле выстлан толстым зеленым ковром.

Секретарь направляет гостью в комнату ожидания, где уже томятся несколько человек. Всем, похоже, не по себе, как будто их ждет прием у немилосердного дантиста.

Никто не разговаривает, даже не поднимает глаз. Девушка пилит ногти, молодой человек заучивает наизусть текст. Солидный мужчина читает несвежий журнал с принцем и принцессой на обложке.

Афиши на стенах зовут на представления Дариуса и других, не столь знаменитых исполнителей.

Дверь открывается, из нее выходит человек в состоянии полной подавленности.

Изнутри доносится:

– ...И не возвращайтесь! Убогий юмор двухтысячных уже не ко двору!

Изгнанный удаляется с понурой головой, его место торопится занять другой... терпящий не менее позорную неудачу.

чу.

– ...Вам позвонят. Спасибо. Следующий! – зычно зовет все тот же голос.

Свежий изгнанник делает жест, означающий пожелание всем остальным не меньшей порции удовольствия.

Наконец наступает очередь Лукреции Немрод.

Кабинет встречает ее огромными фотографиями Стефана Крауза, пожимающего руки или обнимающего звезд музыки, кинематографа и политики.

У самого героя всех этих фотографий удлинённая голова, тонкие очки, двухдневная щетина. На нем черная кожаная куртка и модные джинсы. Сидя в полосатом, как зебра, кресле, он колотит по клавишам ноутбука. Тут же красуются заброшенные на стол ноги в ковбойских сапогах.

Лукреция Немрод ждет. Сначала она думает, что он составляет список прослушиваний, потом замечает, что он сидит в социальной сети и общается одновременно с несколькими собеседниками. Через некоторое время он, не глядя на нее, цедит:

– Ну, рассмешите меня.

Заученным жестом, даже не здороваясь, он переворачивает песочные часы.

– У вас три минуты.

Молодая женщина хранит молчание. Он бросает на нее взгляд.

– Теряете время, мадемуазель.

Струйка песка неумолима. После падения последней песчинки человек за столом снова утыкается в свой компьютер.

– Не судьба.

Он нажимает на кнопку переговорного устройства.

– Карин, сколько вам повторять, не допускайте сюда случайных людей, крадущих мое время! Следующий!

Но Лукреция Немрод не намерена уходить.

– Я пришла не с целью вас насмешить, – четко произносит она.

Он озадаченно скребет щеку.

– Вы актриса?

– Еще чего!

– Надо было догадаться, у вас не вид истерички. Сейчас угадаю... Вы из налоговой инспекции? За этот год ваши черберы посещали меня уже дважды, пора и честь знать.

– Снова мимо.

В дверь уже просовывает нос следующий кандидат.

– Вас вызывали? Не видите, я занят с мадемуазель!

Посетитель явно испытывает облегчение оттого, что его прослушивание откладывается. Он бормочет извинения и бесшумно закрывает дверь.

– Игра в угадайку продолжается. Не комик, не актриса, не из налоговой. Если вы моя дочь от одной из любовниц, то учтите, шантажировать меня бесполезно, я признаю вас своей наследницей только после анализов в медицинском центре, который сам назову.

– Опять не то.

– Торгуете страховыми полисами? Кухнями, стеклянными дверями?

Он засовывает пальцы под подтяжки.

– Все, сдаюсь.

Она дает ему визитную карточку.

– Журналистка. Меня зовут Лукреция Немрод. Я работаю в «Геттёр Модерн».

– Надеюсь, речь пойдет не о Дариусе.

Он хмурится. Лукреция перебирает в голове свои отмычки.

Какой ключик подошел бы здесь?

Передо мной законченный эгоист. Как всякий, живущий чужими талантами, он мечтает о восхвалении его собственного таланта.

– Дариус нас, конечно, интересует, но никто не знает, что без вас он был бы никем. Вот с какой точки зрения мы хотели бы подготовить большой материал об «истинном творце феномена Дариуса».

Она побаивается, как бы ключ не оказался слишком грубым и не застрял в замочной скважине.

– Карин? – говорит он в переговорное устройство. – Пять минут. Никаких звонков. Никого не впускай.

Он смотрит на молодую журналистку.

– Я хочу прочесть статью до публикации, это понятно? Даю вам право задать пять вопросов.

– Почему именно пять?

– Потому. Четыре.

Но ее не сбить с толку.

– Я знаю от Тадеуша Возняка, что вы судились с Дариусом. Он хотел вернуть себе права на свои первые альбомы. Это правда?

– Правда. Остается три вопроса.

– Вам грозил проигрыш в суде по причине неотъемлемых, согласно французскому закону, «моральных прав художника на свое творчество». Приговор должны были вынести через неделю. Его кончина делает это решение бессмысленным и позволяет вам по-прежнему использовать его произведения. Это я тоже знаю от Тадеуша. Вы это подтверждаете?

– Подтверждаю. У вас еще два вопроса. Интересно, вы действительно готовите обо мне хвалебную статью?

– Таким образом, вам выгодно его исчезновение за несколько дней до решения суда. Оно вас не только спасает, но и обогащает. Вы переиздаете дебютные альбомы, самые любимые публикой, потом выпускаете избранное, устраиваете гала-концерт в память о нем в «Олимпии». Все права на исполнение и на штамповку DVD у вас. Я права?

– Да. Жду последнего вопроса.

– Это вы убили Дариуса?

– Нет. – Продюсер широко улыбается. – Вы меня провели. Больше не могу терять время. Благодарю, мадемуазель. Всего хорошего. Либо я читаю статью перед печатью, либо

отправляю к вам моего адвоката. Он работает за проценты и очень сильно мотивирован. К тому же по личным причинам имеет зуб на прессу.

Глядя на него, Лукреция Немрод идет ва-банк.

– Думаю, вы лжете. Это вы убили Циклопа.

Стефан Крауз окидывает взглядом свою коллекцию брелоков – резиновых человечков с кнопкой на животе. Взяв один, он жмет на кнопку. Раздается взрыв смеха.

– Знаете, что это? Машинки для смеха. Когда у меня нет желания шутить, я прибегаю к такой игрушке. Очень практично при моей профессии. Так я щажу лицевые мышцы и предотвращаю появление морщин. Знаете, вы мне симпатичны, возьмите, это подарок. Можете выбирать. Вот этот, например, «смех крестьянина».

Он нажимает на другой брелок, и раздается утробный смех.

– Это не ответ, мсье Крауз.

Он кладет брелок и пожимает плечами.

– А как вам такое? – Он берет третий брелок в виде хорошенькой девушки. – Смех испуганной юной девы.

Раздается пронзительный смех, перемежаемый икотой. Он становится все громче и начинает смахивать на вопли при оргазме.

– Примите мой дар. Нет, не надо благодарностей. Я заказываю их в Китае, это моя реклама.

Она берет странную игрушку и видит на ярлыке аббреви-

атуру СКР.

– Каков же ваш ответ? – невозмутимо спрашивает она.

– Ваше обвинение настолько смехотворно, что достойно одного – механического смеха. Как вы себе это представляете? Я что, умею проходить сквозь стены или проник в примерку Дариуса по тайному подземному ходу и задушил его, пока его телохранитель стоял за дверью?

Стефан Крауз нажимает на брелок с надписью «Смех старого маньяка» и перестает улыбаться.

– Поймите, мадемуазель: злиться непрофессионально. В этом ремесле ничто не стоит на месте, все движется, сегодняшние друзья завтра становятся врагами, а послезавтра, гладишь, они снова друзья неразлейвода. Суды, ссоры, угрозы, крики – а потом примирение. Шоу-бизнес прежде всего – большая семья, суматошная, но, что бы ни думали те, кто в него не вхож, дружная. Уличные скоморохи, умельцы, веселящие толпу, ремесленники расслабления – сплоченный народ. У нас социальная функция, мы сродни врачам. Да что там, мы важнее врачей, без нас люди не могли бы выносить своих коллег, начальников, подчиненных, жен, детей, любовниц, мужей, налоговых инспекторов, не говоря о болезнях.

– Вы не отвечаете на мой вопрос.

– Довольствуйтесь этим ответом.

Он вздыхает.

– Да, Дариус меня подвел. Я был зол на него за то, что он от меня отвернулся, даже предал меня. Да, я с ним судился.

Я проиграл бы суд, что правда, то правда. Но этим представлением в «Олимпии» я увековечу его славу. Можете думать что хотите. Но здесь дело не в деньгах. Если он сейчас наблюдает за мной из рая, то, знаю, единственное, что ему хочется мне сказать, – «спасибо, Стефан».

Продюсер прижимает руку к сердцу и устремляет взгляд в окно, за горизонт. А потом жмет на еще один брелок, издающий визгливый хохот.

– Где вы были в момент его смерти? – спрашивает она.

– В зале, аплодировал тому Дариусу, которого извлек из неизвестности и который вознесся на вершину мастерства. В соседнем кресле сидел министр культуры, хотите, спросите у него. Такое алиби сгодится?

Лукреция отвечает ему искусственным смехом подаренной ей резиновой девицы.

– Поговорим серьезно. Кому, кроме вас, выгодна смерть Дариуса?

– Тадеушу, его брату. Настоящий наследник – он. Теперь он – главный в «Циклоп Продакшен».

– Кто мог бы хотеть его убить, не считая Тадеуша?

– Если побудительная причина – не деньги, значит, слава. В этом случае я бы сказал, что если это преступление, то оно выгодно в первую очередь его главному сопернику, становящемуся первым номером в мире смеха.

Он теребит фигурку в виде клоуна.

– Кстати, у него эксклюзивный контракт с «Циклоп Про-

дакшен».

4803 г. до н. э.

В междуречье Тигра и Евфрата, где ныне расположен Ирак.

После долгих скитаний людские племена набрали на достаточно плодородные земли, где смогли осесть.

Из охотников-собирателей люди постепенно превратились в земледельцев.

Общины создали первые деревни с прочными домами из глиняных кирпичей. Для пропитания они стали сеять семена и ждать урожая, в основном пшеницы и ржи. Животных, бродивших вблизи деревень и питавшихся отбросами, – коз, овец, крупный рогатый скот, – люди приручали и держали в загонах, так возникло животноводство.

Век за веком поля и стада множились. Деревни становились городищами. Городища тоже расширились и в конце концов становились большими городами с сотнями, а потом и многими тысячами жителей.

Первые мегаполисы, возникшие за 6 тысяч лет до нашей эры, назывались Урук, Эреду, Лагаш, Умма, Ур.

То была первая цивилизация – шумерская.

Город Ур был одним из самых могущественных и передовых.

Вышло так, что в 4803 г. до н. э. шумерский город Ур за-

теял войну с городом Киш, принадлежавшим соперничающей цивилизации – аккадской.

Война шумеров и аккадцев была долгой и высасывала силы обеих сторон.

Так продолжалось до тех пор, пока царство Киш не одержало крупную, но не решающую победу. Тогда аккадский царь Энби-Астар предложил шумерскому царю Эн-Шакушану подписать перемирие. Враждующие армии сошлись в долине на нейтральной территории.

Цари сели друг напротив друга, между ними расположились переводчики.

– Итак, – начал по-шумерски царь Эн-Шакушана, – что он предлагает?

Переводчик перевел вопрос.

За происходящим внимательно следили министры.

Ответ Энби-Астара в переводе звучал так:

– Он говорит, что желает мира.

– Очень хорошо. Ответь ему, что мы тоже желаем мира, эта война нас изнурила.

Переводчик перевел. Аккадский царь Энби-Астар посоветовался с двумя своими министрами и с переводчиком. Родилась реплика.

– Что он говорит? – спросил шумерский царь.

– Он говорит, что последнее сражение выиграл он, а значит, войну выиграл тоже он и в ответ на обещание не разрушать город Ур хочет пятилетней выплаты податей, всех за-

пасов зерна, пяти тысяч рабов и трех тысяч рабынь, которых отберут он и его военачальники.

Шумерский царь Эн-Шакушана медлил с ответом.

– Что мне сказать ему? – не выдержал переводчик. – Он ждет, о повелитель.

И подался царь шумерский к царю аккадскому со странной гримасой. Разинул он рот, будто собираясь что-то сказать, но звук, звучный и протяжный, издал не ротовым, а анальным отверстием.

Звук этот прогремел, как трубный глас. Таков был ответ царя Эн-Шакушана царю Энби-Астару.

Результата не пришлось ждать: все шумерские министры покатались с хохоту.

Но аккадский царь не засмеялся, а побагровел, оскорбленно и гневно завращал глазами. Потом отдал приказ, оставшийся непереуведенным, и его военачальники покинули шатер.

Шумерский царь Эн-Шакушана и его войска, оставшись одни, никак не могли насмеяться.

Царь призвал своего писца.

– Это должно остаться в веках. Пусть все смеются, как смеялись мы.

Писец по имени Син-Леке-Уннинни покорно поклонился, но остался в замешательстве. Как запечатлеть выпуск газов? Как выразить комизм ситуации глифами?

Весь вечер он раздумывал, как ему передать юмор этой

сцены. Думал он и наавтра, и все последующие дни.

Через два месяца шумерский царь Эн-Шакушана одержал вторую победу над царем Энби-Астаром. Эта победа стала решающей. Шумеры захватили город Киш, и побежденные аккадцы подчинились закону Ура.

Торжественно шествуя по улицам города Киша, царь вспомнил о неудавшемся мирном договоре и спросил своего писца Син-Леке-Уннинни, как обстоят дела с записью. Ответ писца был неопределенным.

Но некоторое время спустя Син-Леке-Уннинни пришла дерзкая мысль: не нарисовать увиденное, а прибегнуть к слоговому письму. Вместе слоги сложились бы в слова, которые выразили бы не только то, что видишь, но и невидимые вещи и даже отвлеченные мысли, то есть чувства.

Вместо того чтобы рисовать острой палочкой по мокрой глине, Син-Леке-Уннинни принялся ставить штрихи в форме клинышков.

Потом он решил отождествить с каждым сочетанием вертикальных и горизонтальных клинышков тот или иной слог.

Так родилась клинопись.

Писец Син-Леке-Уннинни добросовестно описал встречу своего царя с вражеским и тот неожиданный способ, каким он закрыл спор.

Син-Леке-Уннинни не только изобрел слоговое письмо, но и впервые в истории человечества зафиксировал шутку.

Большая история смеха. Источник: GLH.

– Какой делаешь цвет?

Лукреция Немрод сидит в кресле у стилиста Алессандро. Он только что вымазал ей голову чем-то зеленым, скорее липким, чем текучим.

– Приблизительно красное дерево.

– Уходим от морковки?

– Среднее между морковью и красным деревом. И чуть-чуть покороче. Если не хочешь, чтобы я покромсал их ножницами, позволь просто убрать лишнее. Поверь, Лукреция, будет лучше, чем сейчас.

– Нет уж, спасибо, хочу ходить с длинными.

Стилист принимается ловко массировать ей кожу головы. Он открывает и нюхает разные флакончики, источающие сложные ароматы.

– Хочешь анекдот?

– Нет, благодарю, Алессандро, у меня временное... скажем, несварение от анекдотов.

Алессандро погружается в молчание: слово клиентки – закон.

Знаю, этот сеанс – безумие, но так надо. Вся испсиховалась из-за этого расследования. Такое впечатление, что мне надо понять что-то важное. Можно ли убить человека, вызвав у него хохот?

И кто мог ненавидеть любимейшего француза всех французов?

*В...Q...Т... Bienheureux celui Qui se Tait?*¹⁰

А что думать о Стефане Краузе? Тадеуш Возняк прав, главный выгодоприобретатель – он. Ну а Крауз, ясное дело, называет таковым Тадеуша.

– Что ты думаешь о комике Дариусе, Алессандро?

– Я его О-БО-ЖАЛ. Это был гений. Меня очень удручила его смерть. Прямо аппетит пропал на три часа. Поужинал одними чипсами.

– Что тебе в нем нравилось?

– Всё! Он был таким остроумным! Чувствовалось, что человек себя не щадил. Не принимал себя всерьез и любил людей. Знаешь, Лукреция, здесь долго обсуждали его смерть. Может, его прикончили тайные правительственные службы? Как Леди Ди.

– Зачем?

– Слишком много знал о крупных политиках. Понимаешь, он со всеми ними был знаком. Они могли между шутками напести ему лишнего. А потом пожалеть об этом. Так же было с Мэрилин Монро, потом с Колюшем¹¹. Политики подсылают убийц, а потом смерть маскируют под несчастный случай. Всякое бывает. Дураков нет.

¹⁰ Блажен, кто помалкивает (*фр.*).

¹¹ Колюш (1944–1986) – французский комик. В 1980 году собирался баллотироваться на пост президента. Погиб в результате дорожной аварии.

– Преступление секретных служб? Откуда ты это взял, Алессандро?

– Из интернета. Об этом стали писать тем же вечером. Один утверждает, что он располагает секретными сведениями и работает в обороне, свое имя назвать, конечно, не может, зато может о многом рассказать. Кончики и корни одного цвета? Как насчет светлых прядей? Мелируем?

– Он боится последовать за нашим дорогим Дариусом?

– Этот тип – его псевдоним Глубокая Глотка – обвиняет в убийстве ЦРУ. Дескать, у них есть такая мушка – может, комар, а может, муравей, в общем, крохотная тварь, – которая пробирается по вентиляционной системе и вонзает в жертву иголочку, не оставляющую никаких следов.

– Я читала про это в фантастическом романе «День муравьев».

– Вот-вот, именно! Но главное – мотив!

– Да ну? Какой же?

Совсем забыла: парикмахер – не только психотерапевт, но и кладезь сведений, каких нигде больше не найти.

– Только не говори, что не поняла! – И он шепчет ей на ухо: – Он же метил в президенты! Совсем как Колюш. Это очевидно! Его избрали бы. Точно избрали бы. Никого так не любили, как его!

– Понятно. Но при чем тут ЦРУ?

Он снова наклоняется к ее уху.

– Наш теперешний президент – и так агент ЦРУ, зачем

им конкуренция?

И Алессандро прижимает палец к губам – мол, все понятно, а ты молчи!

– Ну как, мадемуазель Немрод, красим корни тоже или оставляем на следующий раз? – тараторит он, чтобы сбить с толку возможных подслушивающих.

– Во сколько это обойдется?

– Для такой хорошей клиентки, как ты, сегодня все за полцены. Если хочешь, я попрошу Луизу сделать тебе маникюр. Мы как раз получили новейшие американские ногти из усиленного пластика, на них березовый лес и заход солнца. Вообрази, на каждом ноготке – березки и закат. Можно и на ногах сделать, если пожелаешь.

Ее ответ заглушен звуком трубы. На улице оглушительный тарарам.

Карнавальное шествие? За несколько дней до 1 апреля? Еще одно извращенное следствие потепления климата?

По улице шествует колонна ряженных, трое играют на духовых инструментах: трубе, кларнете, саксофоне.

Откуда берется эта потребность устраивать праздник и давиться со смеху в определенную дату, а потом дружно грустить в День Всех Святых? Можно подумать, все обязаны одновременно испытывать одни и те же чувства.

Лукреция не может отвести взгляд от зеркала, где отражается запрудившая улицу процессия. Внезапно одна деталь вызывает у нее оторопь.

Среди веселящихся, облепивших огромную фигуру на повозке, она замечает клоуна с толстым красным носом, с опущенными уголками рта и со слезой на щеке.

ГРУСТНЫЙ КЛОУН собственной персоной!

Она выбегает на улицу.

– Эй вы!

Заметив ее, клоун спрыгивает с повозки и пускается наутек. Волосы Лукреции вымазаны зеленой гадостью, но это не мешает преследованию. Клоун ныряет в толпу, чтобы спрятаться от погони.

Но она карабкается на повозку и видит, куда он направляется.

Она догадывается свернуть и выскочить из проулка ему наперерез. Повалив его на мостовую, она нажимает ему локтем на кадык, не давая дышать.

Дав ему полежать придушенным несколько секунд, она ослабляет нажим.

Потерев ему щеки краем накидки из салона и удалив слой грима, она убеждается, что сбила с ног юнца лет шестнадцати, не больше.

– Зачем ты удирал?

– Клянусь, это не я воровал мобильники! Я не виноват!

Она отпускает его, и он бросается прочь, не разбирая дороги. Ее удивленно разглядывают прохожие. Липкая гадость грозит затечь ей в глаза.

Надо же было вообразить, что мне вот так, без усилий,

удастся поймать убийцу!

Вдруг все дело Циклопа – плод воображения, как бредни Алессандро о заговорах?

Уголовное преступление? Слабо верится.

Творческое соперничество? Слишком сложный способ убийства.

Крауз, алчный продюсер? Не нахожу в нем такого мерзкого двуличия.

Тадеуши, брат, которому не терпелось получить наследство? Тоже вряд ли.

Остается синяя шкатулка... Кроме нее, у меня ничего нет. Шкатулка и три буквы: В, Q, Т.

Что, если Тенардые права? Что, если я такая же неумеха, как Клотильда? Думай, думай!

Флоран Пеллегрини дал мне хороший совет: я должна добиться помощи Исидора, опытного сыщика. Одна я ничего не добьюсь.

Но этот заносчивый толстяк отказывается мне помогать.

Может, опустить руки и приползти к Тенардые с повинной? «Сжальтесь, Кристиана! Вы были правы, это был сердечный приступ, преступление – моя фантазия на пустом месте. Захотелось поинтересничать, каюсь!»

Невозможно! Гордость не позволит. А раз так, придется продолжать расследование, чего бы это ни стоило. Я слишком далеко зашла, чтобы дать задний ход.

Она возвращается в салон.

– Что стряслось, Лукреция? Мимо пробежал твой суженый? – насмешливо спрашивает Алессандро.

– Представь, привиделось! Но я обозналась, это был не он, – серьезно отвечает она, садясь в кресло.

Она не замечает, что из глубины зала за ней внимательно наблюдает мужчина, делающий вид, что читает газету.

31

- «В 2 года успех – не ходить под себя.
- В 3 года успех – иметь зубы.
- В 12 лет успех – иметь друзей.
- В 18 лет успех – иметь водительские права.
- В 20 лет успех – быть хорошим любовником.
- В 35 лет успех – иметь деньги.
- В 50 лет успех – иметь деньги.
- В 60 лет успех – быть хорошим любовником.
- В 70 лет успех – иметь водительские права.
- В 75 лет успех – иметь друзей.
- В 80 лет успех – иметь зубы.
- В 85 лет успех – не ходить под себя».

Из скетча Дариуса Возняка «Любящему всегда двадцать лет».

Мандраж достигает предела. Комик Феликс Четтэм так взмок, что вынужден то и дело вытирать полотенцем пот, его руки сводит судорога.

Луcreция Немрод прокралась за кулисы и наблюдает за ним издали. Подходит к концу срочная репетиция, сейчас поднимется занавес.

Феликс Четтэм оттачивает последние подробности с ассистентом. Тот, вооружившись хронометром, напоминает ему реплики.

– Твои слова «милая подружка» должны вызвать смех, ты позволяешь им смеяться четыре секунды, переводишь дух и продолжаешь. Тебе должны аплодировать. Теперь – твой текст.

Феликс Четтэм декламирует:

– Возможно, но, учитывая положение, это было бы слишком просто...

– Отлично! Закатываешь глаза, приподнимаешь на 35 градусов подбородок. Три шага вправо, поворот, желтый прожектор освещает твой профиль в три четверти. Следующая реплика, гримаса, улыбка номер 32-бис. Валяй!

Из громкоговорителя раздается:

– Зал не может больше ждать. Они уже недовольны, пора выходить!

За кулисами слышны крики:

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

Комик близок к панике. Ассистент берет его за плечи.

– Нет! Не расслабляйся. Твой текст.

– Значит, я говорю: «Другое дело, если бы они были в курсе. Если я не замараюсь, вы все тоже останетесь в стороне».

– Четче артикулируй, «были в курсе» вышло невнятно.

Повтори.

– Бы-ли-в-кур-се. Годится?

– Получше. Ладно, сойдет. Тут опять должны засмеяться. Ты ждешь. Если из зала донесется громкий смех, ты скажешь: «Вас, мадам, это в первую очередь касается». Что-то в этом роде, да? Если нет, считаешь до пяти, изображаешь досаду и выдаешь следующую реплику: «Ладно, но чтобы быть в курсе, надо знать». Минута двадцать секунд после начала сценки. Смотри, не сбейся с ритма. Улыбочка номер 63, она тебе хорошо удастся, при ней у тебя на щеках ямочки. Садись. Переводишь дух и выдаешь длинную тираду. Не бубни, не глотай слова, не шепелявь в словах «статистика» и «распушенность».

На взгляд Лукреции Немрод, репетиция смахивает на автогонки, когда сидящий рядом с пилотом напарник подсказывает виражи, препятствия, напоминает, где добавить газу, где переключить передачу.

Она уже хочет подойти, но ей на плечо ложится рука.

– Сейчас их нельзя беспокоить.

Это Фрэнк Тампести, курящий пожарный.

– Он может опасть, как суфле. Вы не представляете, сколько напряжения и труда стоит за юмористической программой. Все расписано по минутам, даже по секундам.

Ей слышно, как зал надрывается:

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

Голос из громкоговорителя:

– Опоздание двадцать минут. Смотрите, если так продолжится, они примутся все крушить! Вперед!

Феликс Четтэм проявляет признаки паники.

Ассистент обнимает его за плечи, призывает к спокойствию, предлагает закончить разогрев. К ним подходит мужчина в черном.

– Кто это? – шепотом спрашивает она.

– Боб, его панчер.

– Какой еще панчер?

– Специалист по юмору, чья обязанность – убрать после подготовки все лишнее, подтянуть гайки, отладить эффект, подсказать, где усилить интонационный нажим, где поиграть глазами. Вызвать смех – сложная задача. А сложный механизм всегда хрупок и ломок.

Артист и ассистент так увлечены, что не замечают ничьего присутствия. Вдруг Феликс Четтэм таращит глаза.

– Готово, голос сел! Снова-здорово, Боб! Теперь мне крышка. Живо вызывай врача!

Из громкоговорителя несется нетерпеливый хрип:

– Публику не унять. Опоздание двадцать пять минут.

Зал уже топает ногами, скандируя:

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

От отчаяния артист потеет еще сильнее.

– Невозможно. Катастрофа. У меня пропал голос. Я отказываюсь выходить. Возвращайте деньги.

– Мёду ему! – приказывает панчер.

Пожарный Тампести бежит за коричневой банкой. Феликс съедает ложку, другую, третью, пытается заговорить, но только хрипит, как простуженный соловей.

Он уплетает всю банку, опасливо прочищает горло и раздражается кашлем.

– Возвращайте деньги! – требует багровый от натуги юморист.

– Выкатываем артиллерию. Я зову врача! – решает Боб.

Лукреция Немрод не верит своим глазам и ушам. Она присутствует при переломном моменте.

– Рассчитайтесь со зрителями! Я все отменяю! Не могу говорить, голос сел, – твердит обезумевший Феликс.

– Сейчас придет врач, – успокаивает его Боб.

Пожарный Фрэнк Тампести шепчет Лукреции на ухо:

– Не переживайте, каждый раз одно и то же. Это у него от испуга, судорога голосовых связок.

– Они и впрямь отменят спектакль и вернут деньги за билеты?

– Какое там! Психология! Комики – самые большие тру-

сы. Большинство – комки натянутых нервов, только и делают, что плачутся. Но даже если причина в голове, для снятия блокировки нужен врач.

– Куда задевался этот эскулап? – негодует Боб.

Наконец появляется старичок с толстым портфелем.

– Как вчера, доктор. Как вчера.

Врач колеблется.

– Сами знаете, это запрещено. Опасно делать это каждый день. Так возникает привыкание. С кортизоном шутки плохи.

В зале беснование.

– ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

– У нас нет выбора, доктор, приступайте.

Врач достает шприц, медленно наполняет его из ампулы, делает Феликсу укол в области голосовых связок, зажимает красную точку ваткой.

– А-Э-И-О-У. Карл у Клары украл кораллы. Ба-бе-би-бо-бу. На дворе трава, на траве дрова, – разминается излеченный комик.

Зал упорно скандирует его имя. Громкоговоритель волнуется не меньше:

– Можно тушить свет? Начинаем, ребята?

Молодая журналистка остается за кулисами и продолжает наблюдать.

Сцену озаряют софиты, под аплодисменты публики разъезжается пурпурный бархатный занавес. Феликс Четтэм, но-

вый комик № 1 после смерти Дариуса Возняка, начинает свой первый скетч.

– Ну что, публика, собралась, наконец? Я замучился ждать!

Он подражает голосу президента республики. Зал благодарно смеется.

– Внимание, братцы, есть две новости, хорошая и плохая. Хорошая: спектакль начался. Плохая: вам придется меня терпеть битых полтора часа. Но полтора часа – это лучше, чем пятилетка.

Зал хохочет.

Панчер Боб облегченно переводит дух, две первые волны смеха прокатились, худшее позади, дальше симфония будет исполняться согласно партитуре.

Он следит за текстом с хронометром в руке.

Пожарный Фрэнк Тампести подходит к Лукреции.

– Лично я недолюбливаю пародистов. Обычно эти люди сами по себе – пустое место, вот и заимствуют чужие голоса.

Похоже, пожарному не терпится поделиться воспоминаниями.

– Я знал всех прежних комиков, потому что они здесь выступали: Дариус был немного Колюшем, Феликс – это больше Тьерри Ле Люрон¹². У них был один и тот же агент, Ледерманн.

Она пытается слушать скетч, но пожарный разошелся:

¹² Тьерри Ле Люрон (1952–1986) – французский пародист.

– Пародировать – подобие болезни. У них дробление личности, им бы лечиться в психбольнице, а они зарабатывают на жизнь, выставляя напоказ свою патологию.

Лукреции нравится эта его мысль, она говорит себе, что, возможно, он недалек от истины.

Хохот прокатывается по залу волнами, как океанский прибой, захлестывающий скалу. Волны вздымаются все выше.

Последняя волна сокрушительна. Вся «Олимпия» вскакивает на ноги и стоя разражается оглушительной овацией.

– Еще! Еще! ФЕ-ЛИКС! ФЕ-ЛИКС!

Комик косится на Боба, тот показывает жестом, что они укладываются в хронометраж. Упрашивать Феликса не приходится: он исполняет еще два скетча, в одном пародируя папу римского, в другом президента США.

Успех перерастает в триумф.

Пора закругляться. Феликс говорит, что посвящает этот спектакль Дариусу, и уточняет, что примет участие в гала-представлении здесь же, в «Олимпии».

Пурпурный занавес задвигается. Артист пятится, продирается сквозь скопление поклонников, требующих автограф, и ныряет к себе в гримерную.

Служба охраны теснит поклонников к выходу, где их пытаются усмирить обещаниями, что Феликс скоро к ним выйдет.

После завершения эвакуации Лукреция Немрод требует,

чтобы Боб, караулящий дверь гримерной, позволил ей взять у Феликса интервью для «Геттёр Модерн».

– Феликс устал. Его нельзя тревожить, обратитесь завтра к его пресс-секретарю.

Она хватая руку Боба, заламывает ее за спину и врывается в гримерку.

– Что вы себе позволяете? – испуганно кричит Феликс, застигнутый за удалением грима.

– Я журналистка. Хочу задать вам несколько вопросов.

– Сейчас не до этого. Совершенно неудачный момент.

Вбежавший следом за нахалкой Боб сыплет угрозами и готов позвать охрану.

Она спешно вспоминает свой набор чудесных отмычек.

Какая подойдет для него? Деньги не годятся. Обольщение тоже. Слава – не то. Перед выступлением он паниковал. Этот человек живет в страхе. Страх – вот лучший ключ.

Она поворачивается к комику.

– Я здесь, чтобы спасти вам жизнь. Здесь был убит Дариус. Это был не сердечный приступ, а преступление. Если вы мне не поможете, вам тоже не жить.

Он впивается в нее взглядом, потом, смеясь, смотрит на Боба, которому не до смеха.

– Прекрасная шутка!

Кажется, ключик найден: это юмор. Это доказывает, что я ошибалась: некоторые юмористы любят посмеяться.

– Ладно, раз вы меня рассмешили, я позволю вам меня проинтервьюировать, но при одном условии: попробуйте снова меня рассмешить.

Лукреция в очередной раз убеждается в том, что мужчины – неисправимые дети, манипулировать которыми проще простого: достаточно втянуть их в игру. Исидор не устоял перед игрой в «три камешка», этот соблазнился игрой в лучшую шутку.

У нее есть право всего на одну попытку, надо бить наотмашь.

– Откуда слепой парашютист знает, что скоро земля?

Движением подбородка юморист требует продолжения.

– Когда ослабевает поводок его собаки.

Феликсу не смешно.

– Это из репертуара Дариуса, я только сейчас вспомнил. Честно говоря, я плохо запоминаю чужие шутки, своих хватает... Ладно, задавайте ваши вопросы, а я буду пока снимать грим.

– Какими были ваши отношения с Дариусом?

– Циклоп был моим учителем, другом, сердечным братом. Это он всему меня научил. Он заключил со мной контракт и стал создателем моей славы. Я всем обязан ему.

– Его смерть вас подкосила?

– Вы даже не представляете, как сильно! Это вопиющая несправедливость. Он же был молод, всего сорок два года. Для такого талантливой комика это значит быть сбитым на

взлете. По-моему, его ждали новые высоты. Его последнее шоу поражало мастерством и новизной. Оно же подорвало его силы. Я увидел мастера в зените, но я знаю, какая боль, какое самопожертвование скрыты за кажущейся легкостью комического представления.

Молодая журналистка, кивая, заносит все в блокнот, машинально поправляя свою новую прическу.

– Я вовсе не шутила, – говорит она. – Я уверена, что его убили. Если я права, то кто, по-вашему, мог быть заинтересован в его устранении?

Этот вопрос заставляет Феликса замереть перед зеркалом, выронить вату, посмотреть на нее совершенно по-другому.

– Никто. Циклоп был всеобщим любимцем. Этот человек владел всеми сердцами.

– Подозреваю, при достижении такой известности автоматически приобретаешь завистников. Быть первым – значит провоцировать ревность.

– Знаю, куда вы клоните. Но вы ошибаетесь, мадемуазель, если думаете, что я мог его убить. В тот день я сидел в зрительном зале. Все время, пока не открылись двери после конца представления, я оставался в обществе моих друзей. Нам, комикам, важно чувствовать зал.

– Предположим все же, что его убили. Кто мог хотеть его смерти?

– Если хорошо поискать...

Феликс оборачивается и напускает на себя загадочность,

подражая голосу знаменитого детектива из телесериала:

– Если вы ищете, кто может быть заинтересован в смерти Дариуса, то вам нужно обратить внимание не на первый номер, а на того, кто заклеен нулем.

– Вы это о ком?

Он вытирает руки и выбрасывает вату в корзину.

– О том, кого Дариус уничтожил профессионально, о том, кто по его милости оказался в чулане под лестницей. У такого человека были бы все основания его ненавидеть, более того, мечтать убрать его с дороги, – звучит все тот же телевизионный голос.

Феликс Четтэм удаляет с лица последние остатки грима, как убирают с глаз долой картины, посвященные чудом выигранной войне.

– Вы любите загадки? Мне вспомнилась одна, могу вам ее загадать. Должен же я заплатить вам вашей же монетой.

– Внимательно слушаю.

– Человек ищет сокровище. Попадает на перекресток, оттуда идут две дороги. Он знает, что одна приведет к сокровищу, другая – к битве с драконом и к гибели. У начала каждой дороги стоит всадник, его можно спросить, но один все время врет, а другой говорит только правду. Герой может задать всего один вопрос. К которому из двоих обратиться и что спросить?

Подумав, Лукреция отвечает:

– Увы, я всегда была несильна в логике. А такие загадки...

они не совсем для меня, вы меня понимаете? Я вам позвоню, если догадаюсь. Скажете номер вашего телефона?

Когда она выходит из театра, идет дождь.

Черт, не хватало, чтобы все старания стилиста пошли прахом... Я так на него потратилась, а тут...

Она смотрит издали на сияющую огнями «Олимпию».

Не знала, какое это изматывающее занятие! То, что делал Дариус и делает теперь Феликс, – ужасно тяжелый хлеб. Теперь, зная, как он им достается, я бы ни за что не согласилась зарабатывать на жизнь смехом. Я бы с ума сошла, если бы моя публика не смеялась или смеялась недостаточно.

Она зажигает сигарету и глубоко затягивается, чтобы прийти в себя.

«Несколько друзей – записные шутники. Они знают столько анекдотов, что уже могут их друг другу не рассказывать, достаточно назвать номер. Первый говорит:

– 24!

Все валятся со стульев от смеха.

– Теперь я! – торопится другой. – 73!

Снова взрыв хохота.

Поднимает руку третий.

– 57!

Никто не смеется.

– В чем дело? Вам не нравится 57-й? – огорчается он.

– Нравится, – отвечает один из членов клуба. –

Просто ты его плохо рассказываешь».

Из скетча Дариуса Возняка «Школа смеха».

Пальцы перебирают подола. Лукреция Немрод останавливает выбор на атласной тунике сливового цвета. Потом она достает из холодильника банку «Нутеллы» и запускает палец в густую приторную массу. Сев за компьютер, она печатает девятью чистыми пальцами. Ее замысел – изучить профили модных комиков.

Кроме Дариуса Возняка и Феликса Четтэма, на олимпе комической профессии теснятся еще два десятка человек.

На их официальном профессиональном сайте написано, что одно выступление Дариуса приносило 100 тысяч евро, а Феликс не зарабатывает больше чем на 60 тысяч.

Молодая журналистка убеждается, что умеющие забавлять публику могут зарабатывать колоссальные деньги, но при этом никто им не завидует, не то что промышленникам и политикам.

А ведь это безупречная профессия.

Она открывает свой блокнот на странице с загадкой Феликса Четтэма.

Это не анекдот, тут целая философия.

Вдруг ее внимание привлекает золотая рыбка: что-то она нервничает, быстро снует по аквариуму, выписывая вместо обычных степенных кругов отчаянные восьмерки.

Левиафан хочет что-то мне сообщить.

Она подходит к аквариуму и долго смотрит на карпа. Потом озирается на свой книжный шкаф.

Папки стоят в неправильном порядке. Некоторые не стоят, а лежат на полках.

Кто-то здесь побывал, кто-то рылся в бумагах!

Неизвестный старался не наследить, из чего следует, что это человек опытный.

Вряд ли грабитель, скорее частный детектив. Я расшевелила омут, и кому-то стало тревожно. Кто-то начал проявлять ко мне интерес. Уж не убийца ли?

Она возвращается к аквариуму. Сиамский императорский карп спрятался в длинных водорослях, колеблемых пузырьками, выпускаемыми пластмассовым пиратским корабликом.

– Что ты об этом думаешь, Левиафан? Буду тебя просить наблюдать за происходящим в комнате. Если здесь еще кто-нибудь побывает, потрудись выразиться яснее. Поступи, как дельфины: выпрыгни из воды.

Левиафан немедленно разгоняется и выпрыгивает, как ему велено.

Лукреция успевает заметить тень. Кто-то, прятаясь за занавеской, успевает прошмыгнуть в дверь.

Она бросается за ним.

Неизвестный сбегает по лестнице, она тоже.

Он был там! Левиафан пытался меня предостеречь!

У неизвестного тренированные ноги, он набирает ско-

рость.

Что ему понадобилось у меня дома?

Поднятый капюшон не позволяет разглядеть его лицо. Он мчится вниз по лестнице метро, преследовательница не отстает, он перепрыгивает через турникет и выбегает на перрон. Она едва успевает влететь в вагон отъезжающего состава и видит в окно капюшон в проходе, ведущем с перрона к выходу. Она понимает, что незнакомец провел ее, сделав вид, что входит в дверь вагона. Поезд набирает ход.

Раз такое дело, я не стану скромничать. Я должна знать.

Она дергает ручку стоп-крана. Состав тормозит, оглушительно скрежеща колесами. Надрывается звонок. Она вылетает в разъехавшиеся двери и мчится туда, где мелькнул капюшон.

Знакомая фигура ныряет в толпу впереди.

Не дать ему скрыться!

Она решает срезать и сворачивает в боковой коридор, где меньше народу. Она бежит, высматривая его, забывает смотреть себе под ноги и поскользывается на чем-то желтом. На мгновение она теряет ориентацию в пространстве и во времени.

Только не банановая кожура! Только не сейчас!..

Она тяжело плюхается на ягодицы.

Сидящий поблизости нищий с одетой как маленькая девочка обезьянкой на поводке весело хохочет.

«Слепой входит в бар, где полно блондинок, проталкивается к стойке, заказывает пиво и кричит барменше:

– Хочешь анекдот про блондинок?

В баре тишина. Соседка отвечает ему хриплым басом:

– Пока вы не начали, мсье, позвольте рассказать вам о том, чего вы явно не заметили. 1. Барменша – блондинка. 2. Вышибала – блондинка. 3. Во мне метр восемьдесят, я вешу 85 кг, у меня черный пояс по карате, и я блондинка. 4. Рядом со мной сидит еще одна блондинка, чемпион по греко-римской борьбе. 5. Вон там сидит еще одна блондинка, чемпион по поднятию тяжестей. Всем нам безразлична эта тема. А теперь хорошенько подумайте, мсье: вы все еще хотите рассказать этот анекдот?

– Нет, – отвечает слепой, – будет скучно повторять одно и то же пять раз».

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Зрителям в зале «Дыра мира» не смешно. Артист в перекрестье прожекторов заикнулся на анекдотах про заик. Некоторые уже тянутся к выходу. Тем временем комик приступает к очередному скетчу.

Человек в первом ряду уснул и громко храпит, ему не мешает голос комика, неестественно хохочущего над собственными шутками.

– Знаете девиз общества заик? «Дайте нам до... до... до... договорить!»

В конце звучат жидкие хлопки, раздаются даже свистки, кто-то улюлюкает. Комик невозмутимо кланяется, как будто ему устроили овацию.

Зрители не стыдятся отворачиваться от сцены, некоторые, не понизив голоса, называют представление никчемным.

Зал опустел, комик стоит на сцене один, он в растрепанных чувствах.

К нему направляется молодая красотка на высоких каблуках, с осиной талией, с изумрудными глазищами.

– Вам понравилось? – удивленно спрашивает он ее и достает ручку, чтобы дать автограф.

У нее в голове крутятся слова Феликса о том, что низвергнуть первый номер – это мечта нуля.

Она представляется. Реакция на слово «журналистка» –

улыбка до ушей. Но ее вопрос вызывает у комика разочарование.

– Нет, Себ – это не я. Себ выступает в малом зале «Дырочка» наверху. Поторопитесь, он сейчас начнет... Подождите, как вам мое выступление? Так, для сведения?

– Очень хорошо, очень! – бросает она и торопится в маленький зал этажом выше.

Занавес поднимается, и комик Себастьян Долин, сценический псевдоним Себ, начинает свой первый скетч с акробатики на стуле. При этом он смотрит в зал.

Там пятьдесят мест, но зрителей всего пять.

Он прерывается.

– Знаете что, раз народу очень мало, а уходить мне не хочется, сыграю-ка я кое-что именно для пришедших: изобразу вас, публику.

И Себ создает живые карикатуры каждого из пяти зрителей. Первый удивлен импровизацией. Второй озадачен и не торопится смеяться. Третьему хоть палец покажи, все равно прыснет – не зря же платил за билет. Четвертый устал, вот-вот уснет. Наконец, пятый не в состоянии поверить в происходящее на сцене.

После этого юморист просит всю пятерку пересесть в первый ряд и приступает к импровизациям на темы утренних новостей о событиях в стране и в мире.

Получается трогательно и интригующе.

Кто этот человек? Почему его упомянул Чертэм?

Себастьян Долин излучает обаяние, и Лукреция не может остаться равнодушной. Он способен с неподражаемой легкостью импровизировать в любой обстановке, фонтанируя юмором. Пятерка счастливиц очарована, хохочет и аплодирует с таким шумом, словно зал набит под завязку. В конце Себ раздает бесплатные билеты на свое следующее выступление.

Наконец счастливицы расходятся.

Лукреция Немрод, оставшаяся в заднем ряду, ждет, что будет дальше.

На сцене появляется директор.

– Ты молодец, – говорит он Себу Долину. – Отлично выступил!

– Неужели? Вы считаете?

– Вот только публики кот наплакал. Дальше так нельзя.

– Дайте мне еще немного времени, пусть на меня поработает молва. Я готов отдавать вам шестьдесят процентов выручки! – умоляет директора комик. – Для успеха шоу нужно время, сами знаете.

– Шестьдесят процентов от трех платных билетов и двух бесплатных – это как-то не очень, Себ...

– Вы слышали, они смеялись! Они были на седьмом небе! Так и быть, семьдесят процентов!

Директор зала морщится.

– Ничего не поделаешь, Себастьян, рано или поздно каждому приходится собирать манатки и откланиваться.

– Мне тридцать семь лет!

– Солидный возраст для юмориста. Ты начал молодым, в двадцать. Семнадцатилетняя карьера. Ты уже юморист в летах, твое поколение вкусило славы, но теперь вас теснит молодежь.

– Уговорили, восемьдесят процентов выручки вам, двадцать мне. Сами знаете, я делаю качественный продукт. Публика тоже в курсе.

– Брось, Себастьян. Чтобы приманить публику, одних бесплатных билетов мало. Я не открою тебе Америку: в наши дни успех зависит от телевидения.

– Но качество моего...

– Сначала телик, качество потом.

Себастьян Долин – красавец-мужчина, спортивный, с волевым подбородком. Директор «Дыры мира», наоборот, толстяк с замашками бюрократа в сером костюме, желтом галстуке и дорогих часах. Разговаривая, он разглядывает носки своих надраенных ботинок.

– Девяносто процентов! – хватается за последнюю соломинку юморист.

– Театр – как булочная: здесь важен оборот. Что толку предлагать самые лучшие круассаны, если нет покупателей? Раз так, остается только сунуть ключ под дверь или уйти в закат. Пойми меня правильно, Себ, мне очень нравится то, что ты делаешь, здесь не о чем говорить. Я самый преданный твой зритель. Но я не меценат, не министр культуры, я про-

сто накопил денег и купил зал. Я в долгах. У меня и так беда с балбесом, выступающим внизу, я не могу себе позволить рисковать.

– Поставьте себя на мое место.

– На него приходят девяносто простофиль, и они разочарованы. От тебя ушли окрыленными пятеро. Арифметика говорит в его пользу. Касса – вот мерило успеха. Для меня это лучший показатель. Ты скорее всего самый остроумный и самый талантливый из всех, кто выступал в этом театре, но люди этого не знают. А почему? Потому что у тебя нет прессы. А молва – это слишком долго. Пойми меня. Я возьму комика Бельгадо.

– Алена Бельгадо? У него все шутки про пинки в задницу.

– Возможно, зато он нравится молодежи, его показывают по главным телеканалам. Наверное, штука в том, что пинки в задницу – греховная тема. Ты бы мотал на ус. Шутил бы более греховно, что ли.

– Как насчет некрофилии? Совокупление с трупами для вас достаточно греховно?

– Почему бы нет? Я серьезно, Себ, пора сбросить маску, наскандалить, не бояться шокировать. Юмор должен тревожить. Пинки в задницу – это просто, но ниша занята, на этой площадке царит Ален.

Себ глубоко вздыхает.

– В общем, так: только не выгоняйте, позвольте играть. Сто процентов выручки ваши.

Расчувствовавшийся директор кладет руку ему на плечо.

– Это было бы непрофессионально. Ты и так сидишь без гроша. Я не могу допустить, чтобы ты работал бесплатно, ты же не собака!

– Это мой сознательный выбор. Я слишком люблю сцену, чтобы бросить это ремесло.

– Меня совесть замучает. Негоже разорять бедных талантливых комиков.

– Как будто нравственнее выпускать на сцену богатых бездарностей! Сами знаете, кто такой Алэн Бельгадо: сынок производителя сахарной свеклы, от безделья занявшийся стенд-апом. В телевизор он пролез благодаря папаше, скупающему рекламное время.

– Не надо злобствовать. К чему эта ругань в адрес коллег? Ты забываешь одно: только когда ты попадешь на телеэкран, ты – не хочу тебя обижать – станешь нормальным человеком.

Юмориста перекашивает: для человека его профессии это худшее оскорбление.

– Остынь, Себ, послушай дружеского совета: в твоём случае желание продолжать карьеру – это проявление болезненного упрямства.

Лукреция Немрод, сидящая в тени, в последнем ряду, боится шелохнуться, чтобы не пропустить ни одного слова.

Себастьян Долин хочет что-то ответить, уже открывает рот, но потом машет рукой и, тяжело шагая, уходит.

Лукреция незаметно юркает за ним следом.

Себастьян Долин толкает дверь ближайшего кафе, здоровается с несколькими посетителями, садится за стойку и просит водки.

Хозяин кафе радушно его приветствует, но его ответ – как холодный душ:

– Мне очень жаль, Себастьян, но я больше не могу тебя обслуживать. Ты уже задолжал мне больше тысячи евро.

Он тычет пальцем в висящий над бутылками лозунг:

«МЫ ДОРОЖИМ НАШИМИ ДРУЗЬЯМИ, ПОЭТОМУ НЕ ОТПУСКАЕМ В КРЕДИТ».

– У меня был тяжелый день. Одну рюмку! Я дам тебе бесплатные места на мое следующее шоу.

– Я уже ходил на твое шоу с сыном, ему не понравилось.

– Ему всего три года! Он все время плакал и всем мешал.

Но хозяин кафе неумолим.

– Комическое представление не должно расстраивать детей до слез. Ты бы задумался, что ты делаешь не так, Себ.

Хозяин кафе смотрит на него с укоризной, потом в нем просыпается совесть, он тянется за бутылкой водки и наливал полную рюмку.

– Это в последний раз.

Через час шатающийся Себастьян Долин покидает закрывающееся заведение. Хозяин не сдержал свое обещание.

Комик приваливается к тумбе с афишами, потом сползает по ней на тротуар. Помочь ему встать некому, и он расплывается, как беспозвоночное.

Молодой человек в кепке делает вид, что хочет его поднять, но вместо этого запускает руку ему в карман и похищает кошелек.

Лукреция Немрод, видевшая издали эту сцену, преследует вора, хватая его и наносит удар в печень. Пока он корчится на земле и хватая ртом воздух, она завладевает кошельком, чтобы вернуть хозяину, боящемуся отцепиться от фонаря.

Себастьян Долин открывает один глаз и вместо благодарности бормочет:

– Все равно он пустой.

Она помогает ему идти. Он опирается на ее плечо, возвышаясь над ней, как готовая рухнуть каланча.

– Я была на вашем выступлении, а потом слышала ваш разговор с директором зала. Я журналистка и...

Он отталкивает ее, чуть не падает, но умудряется сохранить более-менее вертикальное положение.

– Не лезьте не в свое дело! Оставьте меня в покое! Обойдусь без вашей жалости!

Лукреция делает вывод, что ключик «признание» здесь не подходит.

Придется изобрести новый ключ от защитного барьера этой птички, выпавшей из гнезда. Ему хочется катиться по наклонной плоскости? Попробуем облегчить ему путь.

– Можно пригласить вас на рюмочку? Вам надо выплеснуть эмоции.

Он склонен отказаться, но у него не выходит.

Они идут дальше вместе.

– Я проголодалась, – сообщает она.

Она находят индийский ресторан, один из немногих, еще открытых в этот поздний час. Он падает на стул, она заказывает бутылку вина.

13,7 градуса? Хватит, чтобы развязать ему язык.

Он торопливо осушает первый бокал.

– Мне не нужна ничья помощь, – бормочет Себастьян Долин. – Тем более от журналиста. Ик! Они никогда мне не помогли. Они всегда игнорировали или презирали мою работу. Где они были, когда могли меня спасти? А теперь пусть идут к черту. Поезд ушел.

– Скажите, мсье Себ, сколько дней вы не ели?

Торчащие скулы и общая худоба – свидетельства вынужденного поста. Она заказывает цыплят тандури и лепешки с сыром.

– Я не голоден.

Она подливает ему бордо.

– Что вам от меня надо?

– Я работаю над репортажем о смерти Дариуса.

– Не собираюсь его обсуждать. Лучше поговорим обо мне.

Меня интересует одно: я сам.

– Вы не могли оставить незамеченной его смерть.

– Заметил, заметил!

Он пьяно хохочет.

– Я очень рад, что этот пузырь лопнул, что его пожирают черви, что он гниет в земле! Я как раз собирался помочиться на его могилу. Довольны?

Переходя от слов к делу, он поднимается, чтобы выпустить в туалете часть поглощенной за вечер жидкости. Вернувшись, он безнадежно возится с ширинкой.

– Вы были знакомы? – спрашивает Лукреция.

– Были. Он посетил мое первое представление. Я усадил его в первом ряду, заставил зал аплодировать ему: «Сегодня у нас праздник, в зале присутствует лучший среди нас, Циклоп, Дариус Великий собственной персоной!» Он встал, и все зрители, мои зрители, не щадили ладоней в его честь. Тогда я собирал по 150–200 человек. После представления он пришел ко мне и сказал – я запомнил слово в слово: «Три твои скетча мне очень приглянулись, я буду их исполнять». Я решил, что ослышался. «Хотите их у меня приобрести?» – спрашиваю. А он и говорит: «Нет, идеи принадлежат всем, я их беру, и дело с концом». Я ему: «Это же я написал скетчи, я – их отец». Он взял меня за плечо. «Идеи принадлежат не тем, кто их создал, а тем, у кого есть средства их распространять. Если бы твои скетчи были живыми существами и должны были выбрать себе отца, они, бесспорно, остановили бы выбор на мне, знаменитом комике, а не на тебе, Себ, мелком и неизвестном. Не будь эгоистом, отнесись к своим скетчам как к выпущенным на свободу детям, которым хочется поменять семью, чтобы полностью развиться».

Кажется, Себастьян Долин снова переживает эту сцену наяву.

Официант в тюрбане и в туфлях с загнутыми носами приносит ему цыплят тандури, и он жадно набрасывается на еду.

– Хорошо помню его следующие слова: «Считай меня щедрым приемным отцом. Я дам твоим детям образование, засыплю их подарками, покажу им мир». «А я, их биологический отец, не позволю их похитить» – был мой ответ. Тогда он заговорил совсем другим, угрожающим тоном: «Кажется, ты не отдаешь себе отчета, с кем разговариваешь. Что ж, дело твое, Себ. Я бы предпочел договориться полюбовно, но раз ты не хочешь устроить все по справедливости, я попросту заберу то, что мне требуется, а если тебе это не понравится, если ты вздумаешь встать у меня на пути, я тебе ребра переломаяю, ты пожалеешь, что появился на свет».

– Мы точно говорим о Дариусе Возняке? – не верит своим ушам Лукреция.

– А вы решили, что я все это выдумал? О нем самом, о Циклопе! О человеке с сияющим сердечком в глазу. Об идоле толпы.

Она молча смотрит на него.

– Как ни трудно мне вам поверить, продолжайте. Что было потом? – Лукреция Немрод прилежно записывает, показывая ему, что сохранит сказанное им.

– Дариус не соврал: он стал исполнять мои скетчи, не меняя в них ни словечка. Правда, зрителей у него набиралось

тысячи, не то, что у меня. Этот негодяй все продумал: он включил на моем спектакле диктофон своего мобильного. Три моих лучших скетча! Это как если бы у меня была галерея и он украл оттуда и перепродал три лучших картины. Форменный грабеж!

Себ в сердцах швыряет на пол вилку, тут же поднимает ее под укоризненными взглядами других посетителей и вытирает салфеткой.

Чтобы разрядить обстановку, Лукреция достает подарок Стефана Крауза, брелок со смехом. Механический хохот позволяет всем перевести дух.

Себастьян Долин рассказывает дальше.

– Представляете, полные залы аплодировали моим шуткам, моим диалогам, моим персонажам. Он своровал у меня даже мимику, даже позы и повороты головы.

Она подливает ему вина, уже чтобы успокоить, потому что язык развязался полностью.

– Я подал на него в суд, было разбирательство. Но вы знаете поговорку: «Хороший адвокат знает закон, очень хороший – судью».

И он сам смеется своей шутке.

– У Дариуса был именно такой защитник, дорогуший адвокат, всеобщий знакомец. Якобы не проигравший ни одного процесса. Мой он выиграл без малейшего труда. Но это были еще цветочки. Суд не только закрепил за ним право использовать мои скетчи, но и приговорил меня к возмещению

всех ЕГО расходов в связи с моим «злоупотреблением правосудием с целью причинения ущерба публичному лицу». Мне еще пришлось с ним расплачиваться!

Вилка опять летит на пол, но Лукреция ловит ее на лету и отвлекает рассказчика, наливая вино в его бокал. Желая его успокоить, она говорит:

– Прав был Лафонтен: у сильного всегда бессильный виноват.

– У сильного – бессильный, так и есть. Но и это еще не конец. Моя адвокатесса, скорчив рожу – мол, очень жаль, не повезло, аргументы противной стороны лишили нас всяких шансов, – подошла к Дариусу за автографом! Никогда ей этого не прощу! Ладно бы она одна, так еще и судья: «Я не для себя, а для сына, он в вас души не чает». После этого встал в очередь весь зал, как будто это был не суд, а спектакль Дариуса. Гиньоль поставил на колени Ньяфрона!¹³ Роль Ньяфрона сыграл я.

Себастьян Долин с саркастическим смехом рвет зубами лепешку и продолжает с полным ртом:

– Но его ненависть ко мне еще не была утолена. Дариусу мало было украсть у меня спектакль, разорить, унижить в суде, ему понадобилось исполнить обещание и в фигуральном смысле переломать мне ребра. Он постарался, чтобы я фигурировал во всех стоп-листах всех телеканалов.

¹³ Гиньоль и Ньяфрон – персонажи французского ярмарочного кукольного театра.

Торговец цветами, приняв их за влюбленную парочку, предлагает букет жасмина, издающий сильный искусственный запах. Лукреция отрицательно крутит головой, но торговец не отстает.

– Поздно, мы уже переспали, – говорит она ему, чтобы отшить.

Бедняга пятится от их столика и предлагает свое чудо цветоводства другой паре.

– Как один комик может запретить другого? – недоуменно спрашивает она.

– Очень просто: обронить фразочку вроде: «Если в вашей передаче появится Себ, меня можете не звать». Достаточно сказать это всего раз одному-единственному журналисту – и пороховая дорожка добежит куда надо, ему даже не нужно повторять свою угрозу, ее успешно разнесут и наматывают на ус.

– Вы его ненавидели?

– Слишком слабое слово, чтобы передать мое отвращение к этому субъекту.

– Вас обрадовала его смерть?

– Я отпраздновал ее шампанским. Плясал один перед домашним телевизором, когда показывали его похороны.

– Это вы его убили?

Он нервно давится.

– Нет, мне не хватило бы смелости. Но я очень сожалею об этом. Если бы я это сделал, то мог бы без стыда смотреться

в зеркало, это точно.

– Если предположить, что это убийство, то кому, по-вашему, хватило бы на это смелости?

Он задумывается.

Индус приносит десертное меню. Лукреция выбирает блюдо с непонятным названием «гулаб джамун». Им подают залитые медом шарики из манки с шафраном.

Себастьян Долин ест с аппетитом, самозабвенно, размашисто двигая челюстями, словно перекусывая хребет невидимому врагу.

Он делает неопределенный жест.

– Любому из комиков, всех не перечислить. Все, кроме шайки его сообщников, были настроены против него. Я имею в виду тех, кто знал, что он собой представляет.

Опять требуется разрядить атмосферу, для этого годится брелок со смехом. Себ озадаченно смотрит на «испуганную деву».

– Хуже всего то, что суд имел губительные последствия. Усилиями прессы он послужил предостережением для всех остальных. Комики перепугались. Теперь их можно безоглядно грабить.

– Мне трудно представить Дариуса таким, каким вы его рисуете. Но так же трудно счесть все эти подробности вашей выдумкой...

Он плещет вино в свой недопитый бокал, вино течет на скатерть.

– Дариус был вором. Он похищал шутки у их создателей. Собирал ничейные шутки, не стесняясь их присваивать.

А Исидор может оказаться прав!..

– Когда все остальные комики смекнули, что это за человек, они встали в нейтральную позицию: при его появлении они прерывали выступление. Это был единственный способ заявить о неприятии его сомнительных приемов.

– С другой стороны, он помогал молодым, создал Школу смеха, продвигал новые таланты, разве нет? Он не боялся создавать себе конкуренцию.

– Это было хуже всего! Если у вас остаются сомнения, советую посетить его великий благотворительный проект, так называемый Театр Дариуса, открывающий юные комические таланты. И как следует присмотритесь. Там вы получите ответ на вопрос, кем был на самом деле Дариус.

Лукреция Немрод не знает, что подумать.

Себастьян Долин все пьет и пьет, пока не напивается совершенно допьяна.

За его спиной картина во всю стену, на ней блещет золотом и серебром великолепный дворец.

3212 г. до н. э.

Индия, город Харанна.

Девушка танцевала на цыпочках, под завораживающую мелодию бубна, флейты и арфы.

Люди, преодолев проблемы с пропитанием, безопасностью, архитектурой, общественным устройством, политикой, гигиеной, получили возможность посвящать свободное время не самым обязательным занятиям. К ним относились религия, живопись, музыка, танец, игры, литература.

После представления к танцовщице пришел молодой принц. Он показал ей папирус, на котором его писец изобразил всевозможные сексуальные позиции, и указал на ту, что была обозначена индийской цифрой 83.

Молодая танцовщица повертела рисунок и сообразила, что предлагает ей принц.

Она согласилась, и они поднялись в спальню, где громоздилось огромное ложе, заваленное алыми подушками.

Она встала на четвереньки, он пристроился к ней так, как было указано на рисунке, их ноги переплелись.

Потом руки. Слияние двух ртов, сладострастное колыхание тел. Принц был танцором не хуже ее. Рядом с ними курился ладан.

Наслаждению не было конца.

Кожа девушки пахла цветами магнолии.

Наконец мужчина забился в сладостной судороге, женщина издала долгий стон.

Они хотели разъединиться, но не тут-то было: он застрял у нее внутри.

Сначала им было забавно, но затруднение не проходило, и обоим стало не до смеха. Принц решился вызвать слуг. Те, прибежав на зов, увидели два сплетенных тела и не смогли удержаться от хохота.

Контраст между счастливым мгновением и постыдной развязкой разил наповал.

Так родился анекдот, сопровождаемый картинкой.

Дело было в четвертом тысячелетии до н. э. Тогда и была изобретена первая сексуальная шутка.

Один из слуг – его звали Пребод, – занимавшийся йогой, вдохновился этой шуткой и изобрел смеховую йогу: это когда человек делает все, чтобы смеяться как можно дольше.

Большая история смеха. Источник: GLH.

Снаружи Театр Дариуса похож на цирк. Афиши и розовые неоновые объявления заключены в рамки из мигающих лампочек.

Каждая дверь украшена, как гербом, флажком с символом Дариуса. На каждом флажке черная ленточка – напоминание о недавнем уходе основателя театра в мир иной.

Луcreция Немрод встает в длинную очередь зрителей. Дойдя до окошечка кассы, она предъявляет свою карточку прессы, надеясь на скидку, но кассир объясняет, что бесплатные места предоставляются только специально приглашенным журналистам, а скидка предназначена только для инвалидов, студентов, безработных и вдов воинов, погибших в боевых действиях.

– Во Франции это проблема, – считает нужным развить тему кассир, говорящий с сильным славянским акцентом. – Французы – противники неравенства, но сторонники привилегий.

Он очень доволен собой, хотя подсмотрел эту фразу в заголовке театральной афиши.

Луcreция платит и проходит билетный контроль.

Зал вмещает более 400 зрителей. Вокруг центральной сцены расположены удобные кресла. В сущности, это боксерский ринг, окруженный канатами и освещенный мощными

прожекторами.

Все рассаживаются и ждут. Под оглушительную музыку из фильма «Рокки» на ринг выходят две команды, синие и красные, по шесть человек в каждой.

Лукреция Немрод узнает членов Лиги импровизации, уже выступавших по телевидению, юных комиков-выпускников новой Школы смеха.

Еще одно детище Дариуса.

Прожекторы освещают участников по одному, каждому достаются аплодисменты. Они по-боксерски поднимают руки и расходятся по углам ринга.

Гремят фанфары, в центр сцены выходит новый персонаж.

Это человек в розовом костюме, светло-розовой рубашке, темно-розовом галстуке. Сегодня роль ведущего исполняет родной брат Дариуса Тадеуш Возняк.

Он приветствует зал, ждет, пока стихнут аплодисменты, и берет микрофон.

– Дамы и господа, сегодня особенный день. С нами больше нет Дариуса Великого.

С потолка спускают огромную матерчатую фотографию: Дариус, приподнимающий свою повязку и демонстрирующий глазницу со сверкающим сердечком.

– Дариус не хотел бы, чтобы вы грустили, – продолжает Тадеуш. – Знаю, будь он в этот вечер с нами, он счел бы лучшей памятью о себе сумасшедший хохот.

Одни зрители хлопают, другие заставляют себя смеяться.

– Дариус говорил: «Люди умирают, шутки остаются». И я предлагаю, чтобы в сегодняшней битве импровизаций над рингом парил дух Дариуса.

Зал поддерживает его слова бурей аплодисментов.

– Тем, кто здесь впервые, я напоминаю принцип импровизационного турнира. В качестве арбитра, я вытягиваю из шляпы записку с темой. Команды выставляют тех, кто за нее возьмется.

В зале свист: с правилами все знакомы, не тяните!

– Сражаться можно один на один, двое на двое и так до шести. А можно один против двоих, двое против четырех, даже один против шестерых. Всё решают капитаны команд. После каждого тура вы аплодируете, а наш прибор, измеряющий силу аплодисментов, определяет, кому отданы ваши симпатии. Всего туров двенадцать. Потом вам будут представлены по одному члены команды-победительницы, и вы выберете среди них лучшего.

Новый взрыв одобрения.

– Победителю предоставляется право выступить со скетчем в телепрограмме «Шоу Дариуса».

Лукреция делает записи.

Тадеуш представляет 12 участников. Те снимают плащи и остаются в шортах и футболках соответствующего цвета, с большой цифрой на груди и на спине, совсем как у хоккеистов. Синие против красных.

Лукреция вспоминает, что турниры юмористической импровизации родились в Квебеке и завоевали успех у «кузенов» в Монреале, прежде чем перекочевать во Францию.

Двенадцать юмористов обмениваются рукопожатиями.

После этого Тадеуш Возняк вызывает обоих капитанов, и те бросают жребий, кому начинать.

Капитан красных запускает руку в шляпу Тадеуша, разворачивает бумажку и громко зачитывает:

– «Ваша мать узнаёт, что вы наемный убийца. Придумайте диалог».

Капитаны совещаются с командами. Синие выставляют азиатку с номером 4, красные, для контраста, – угрюмого чернокожего на роль сына.

Команды поддерживают своих выдвиженцев и шепотом дают советы. Капитаны благословляют соперников на бой.

Те встают друг напротив друга и начинают диалог.

После третьей реплики за спиной у Лукреции раздается крик:

– СМЕШИТЕ ИЛИ ВЫМЕТАЙТЕСЬ!

Зал подхватывает это требование, подстегивающее шутников.

Девушка из синей команды, изображающая мамашу, постепенно берет верх, парень из красной все больше пасует, занимая оборонительную позицию, странную для наемного убийцы.

Зал снова орет:

– СМЕШИТЕ ИЛИ ВЫМЕТАЙТЕСЬ!

Хохот все громче, кто-то уже близок к истерике, гримасы двух комиков все смешнее, волнение все более осязаемо. Публика молодая, восприимчивая, перевозбужденная, она свистит, хлопает, возмущается.

Звучит гонг. Соперники, совсем как изнуренные боксеры, возвращаются в свои углы, где их ждут капитаны.

Тадеуш приглашает обоих в центр ринга. Он задирает руку девушке, зал аплодирует, прибор показывает 14 баллов из 20. Когда он задирает руку парня, аплодисменты достигают только 11 баллов.

Тадеуш объявляет, что в первом туре победила девушка.

Он вызывает капитана другой команды, и тот вытягивает следующую тему: «Скандал на совещании совладельцев жилого дома: они не могут договориться, можно ли ездить в лифте с собаками». Обе команды выставляют полные составы.

Лукреция Немрод спохватывается, что поневоле хохочет. Это подтверждает высокое качество представления и талант комиков.

Остальные 400 зрителей не отстают от нее.

Кто-то опять кричит:

– СМЕШИТЕ ИЛИ ВЫМЕТАЙТЕСЬ!

Два часа пролетают для Лукреции, как пятнадцать минут. Победа остается за синими.

Все участники выходят на ринг по одному, молодая ази-

атка, изображавшая мать убийцы, получает, судя по прибору, максимальное одобрение.

Она и объявляется победительницей матча.

Тадеуш Возняк протягивает ей микрофон.

– Я выиграла, – радостно говорит она, – потому что в меня вселился дух Циклопа. Я все время спрашивала себя, что делал бы на моем месте Дариус.

– Твое имя?

– Ин Ми. Я хочу сказать, что для всех юмористов Дариус останется примером для подражания.

Волнение зала достигает предела, все аплодируют стоя.

Тадеуш ждет, чтобы шум немного утих, и объявляет:

– Мы увидим блестящую Ин Ми в следующем выпуске телепрограммы «Шоу Дариуса».

Из колонок раздается голос Дариуса:

«В один прекрасный день весь мир засмеется, и тогда не останется нищих детей, умирающих от голода бедняков, люди откажутся воевать. Мир не будет уже ни черным, ни серым, ни белым, он станет розовым».

Начинает звучать «Адажио для струнного оркестра» Сэмюэла Барбера, исполнявшегося на похоронах Джона Кеннеди. Контраст с музыкой из «Рокки», которой открылось представление, потрясает.

Музыка смолкает, весь зал встает и аплодирует огромной фотографии Дариуса.

Росказни Себастьяна Долина – клевета. Не мог такой

человек красть чужие идеи. Это был творец, создатель, без него не было бы этого театра. Благодаря ему эти молодые таланты могут демонстрировать свои возможности и набирать высоту. А Себ всего-навсего завистливый артист-неудачник.

На выходе Лукреция Немрод настигает победительницу, Ин Ми.

– Я – журналистка «Геттёр Модерн», – представляется она. – Как вы объясняете свой сегодняшний триумф?

– Я одержала победу, потому что в меня вселился дух Дариуса, – заученно произносит Ин Ми. – Все состязание я спрашивала себя, как действовал бы Дариус.

Лукреция понимает, что у девушки уже выработан стиль общения с прессой: она сообразила, что, чтобы быть понятой, надо твердить одно и то же.

– Вы входили в число его учеников? Каким он был наставником?

– Внимательным и великодушным. Он стремился помогать. Исправлял наши ошибки, неизбежные для начинающих. Всегда подбадривал, никогда не упрекал и не осуждал. Например, нам запрещалось насмехаться над работой коллег. За одно это мы должны быть ему признательны. Такого прекрасного человека не будет еще долго.

– А что вы думаете о юмористах нового поколения?

– У меня впечатление, что они разучились стараться, трудиться. Люди воображают, что получат все в готовом виде.

Свою сегодняшнюю победу я выковала неустанными двухлетними усилиями.

Ин Ми считает необходимым завершить беседу шуткой:

– Знаете, даже форма египетских пирамид свидетельствует, что еще в далекой древности рабочие норовили работать как можно меньше.

– Ваша шутка?

– Нет, Дариуса. Так он нам говорил, когда мы слишком ленились.

2630 г. до н. э.

Египет. Мемфис.

– Как, говоришь, его зовут?

– Имхотеп, ваше величество. Он хороший писец родом из Гебелейна, деревушки в южном предместье Фив. Не знаю, что на него нашло, – продолжил первый министр. – Не иначе, с ума сошел. Не тревожься, о великий, он получит по заслугам.

Фараон Джосер, основатель III династии, почесал смазанную жиром цилиндрическую бородку. На разложенных перед ним папирусах было изображено нечто очень странное.

До сих пор монарх читал только донесения о битвах, списки сокровищ, карты неведомых краев. Теперь же его вниманию предлагалось невиданное: история выдуманного фараона, названного сочинителем Сисебеком.

– Повелеваю: читай!

Робкий министр, преодолев смущение, стал громко читать по папирусным свиткам:

– «У этого фараона была привычка есть перед сном. Но однажды вечером, сев за стол, он обнаружил, что все блюда несъедобны. У мяса был вкус глины, у всех напитков – вкус воды. Он лег спать, и все его тело покрылось потом.

Сисебек позвал своих лекарей. Те сообщили, что он болен

той же болезнью, от которой умер его отец. По их словам, средства от нее не было. Фараон Сисебек заподозрил их в желании отомстить ему за введение нескольких законов против лекарей. Он бросил обвинение, лекари оправдывались, фараон угрожал, уверенный, что они могут его вылечить, но зловредно отказываются. Под нажимом лекари сознались, что выход есть: надо позвать колдуна Мерите. Вспыльчивый фараон разгневался и обвинил своих лекарей в том, что они не додумались раньше сообщить ему о существовании колдуна с исключительными способностями».

Министр умолк и опасливо посмотрел на своего фараона.

– Должен ли я приказать схватить глупого писца, сочинившего эту оскорбительную историю?

Фараон Джосер ответил коротко:

– Читай дальше!

Ревностный министр простерся ниц и, упершись лбом в пол, возопил:

– Это конец. Все это неправда. Вспыльчивый фараон, неумелые лекари, колдун, врачующий любую хворь... Никакой логики. А уж картинки...

Фараон Джосер не спускал глаз с текста, но при последних словах своего министра обратил внимание на рисунки и понял, в чем состоит затруднение первого министра. Фараон Сисебек был изображен с львиной головой, лекари – с шакальими головами, слугами были мелкие бабуины, первый министр – крысой. При этом всех можно было опознать по

одеяниям и по символам должностей.

– Животные, выраженные в людей, – это оскорбительно и для тебя, владыка, и для нас.

Фараон Джосер немного поразмыслил, как поступить, а потом рассмеялся. Он потребовал, чтобы к нему немедленно привели автора этой сказки, знаменитого писца Имхотепа.

Стражники нашли виновного, схватили и приволокли во дворец.

Там его швырнули к ногам фараона Джосера. Тот, встав с трона, приблизился к молодому человеку, удерживаемому стражниками в позе покорности. Тому было на вид не более двадцати лет.

– Прости, владыка, я не ведал, что творю, у меня и в мыслях не было тебя обидеть! – бормотал он, не поднимая глаз на властелина.

– Казнить его? – осведомился первый министр.

Но фараон вопреки ожиданиям помог молодому писцу встать.

– Хочу задать тебе вопрос, Имхотеп. Ты написал продолжение рассказа про фараона, лекарей и колдуна?

– Я...

– Не бойся. Мне понравилось. Хочу узнать продолжение.

Стражник развернул еще несколько папирусных свитков. Фараон вернулся на трон и повелел продолжить чтение.

Первый министр повиновался.

– «Волшебник Мерите простукал Сисебека и заявил, что

знает, как его лечить, вот только со снабдьем не все так просто. Чтобы исцелить фараона, волшебник должен будет принять смерть».

Фараон разразился хохотом.

– Замечательно! Откуда у тебя такие мысли?

– Придумал... Это же все неправда. Для того я и нарисовал их с головами зверей, чтобы это не приняли за правду.

– Читай! – велел Джосер.

– «Принести в жертву волшебника было единственным способом спасти фараона. Тот начал торговаться, суля Мерите щедрые награды за согласие на спасительную смерть.

Волшебник все не соглашался, Сисебек повышал ставки. Он пообещал сыну волшебника привилегии при дворе после смерти отца. Но этого было мало. Тогда фараон объявил, что провожать волшебника в последний путь будет в слезах весь Египет, что будет учрежден его посмертный культ с прославлением во всех храмах, начиная с Геолиполиса, где его имя выгравировуют на стенах. Но волшебник все еще колебался. Он говорил, что ему будет жаль умирать теперь, когда он узнал о доброте великого фараона, с которым ему повезло увидеться. Он находил это несправедливым».

Фараон Джосер засмеялся еще громче.

Первый министр продолжил чтение, а к Имхотепу вернулась надежда.

– «Наконец волшебник уступил, но продиктовал свои условия: властелин клялся богом Птахом держать взаперти

его жену, чтобы не позволить ей встречаться с другими мужчинами. Еще он потребовал, чтобы вместе с ним приняли смерть все лекари, презиравшие его и скрывавшие его существование.

Фараон на все согласился.

В назначенный день волшебник Мерите умер. Его путешествие в страну мертвых было долгим. Наконец он повстречал богиню Хатор и спросил ее, что происходит на земле. Богиня рассказала, что после его смерти фараон взял себе его жену и назначил ее царицей. Тогда Мерите решил вернуться назад и все поправить».

Первый министр дочитал папирус до конца. Фараон Джосер вдоволь нахохотался.

– Хочу продолжения. Я требую! Я полюбил твои истории, Имхотеп, они такие забавные!

– Дальше я еще не придумал.

– Назначаю тебя моим официальным писцом-юмористом. Твоя обязанность – смешить меня рассказами о приключениях волшебника-призрака, этого Мерите. Хочу, чтобы он отомстил, понятно?

Изучив рисунки, фараон Джосер добавил:

– Очень мне по сердцу твоя идея изобразить героев с головами зверей!

В этот миг Имхотеп стал изобретателем мультипликации, комиксов и принципа сказки про животных. Некоторые карточки с текстами Имхотепа рисовали на вазах и изображали

в виде барельефов на стенах домов.

Люди чаще всего не понимали эту историю, но им забавно было смотреть на львов, выраженных в фараонов, на лис в пастушьих плащах, ведущих к озеру стаи уток, на обезьян, играющих на арфах мышам в женских одеяниях, принимающим подарки от солдат с шакальими головами.

Большая история смеха. Источник: GLH.

Выражение замкнутости и осуждения на лице.

– Не верю ни единой секунды!

Молодая научная журналистка отшатывается, словно с целью избежать ядовитых стрел, выпущенных в нее начальством.

– Я на верном пути.

– Какой еще «путь»? Вы смеетесь надо мной, мадемуазель Немрод? Целых три дня возитесь с этой темой – и какие-то жалкие обрывки!

Молодая женщина не может шелохнуться. Кристиана Тенардые зажигает свою толстую сигару и продолжает ее словесно уничтожать.

– Предположим почти невероятное – убийство. Как вы это себе представляете практически?

Луcreция Немрод не позволяет сбить ее с толку.

– Тут что-то хитроумное, какое-то доселе неведомое оружие. Умудренный, изощренный убийца. Тайный мотив.

– Вы понимаете, что все это – фальшивая журналистика, поверить в это могут разве что читатели из провинции?

Твердо стоять на своем. Ни шагу назад.

– Я приготовила для вас улики.

Завредакцией брезгливо толкает ногтем предметы, разложенные по ее мраморному столу. Здесь синяя шкатулка

с буквами ВQT и предупреждением «Не смейте читать», почерневшая фотобумага, нечеткий снимок грустного красноносового клоуна, физиономии Стефана Крауза, Себастьяна Долина, Феликса Четтэма.

– Ну и что? Дариус находился один в запертой примерке. Ранений не обнаружено, следов взлома тоже. Никто на свете, кроме вас, не считает его смерть насильственной.

– «То, что ошибающихся много, не значит, что они правы», – цедит сквозь зубы Лукреция.

Никогда еще этот лозунг Исидора не звучал так уместно.

– Я слышала, не сомневайтесь. То, что вы одна несете чушь, не значит, что вы правы, – не лезет за словом в карман завредакцией.

Две женщины распинаят друг друга взглядами. Кристиана Тенардье окутывается густым облаком дыма.

– Кем вы себя возомнили, мадемуазель Немрод? Решили, что вам все можно, раз у вас грудь торчком и попа как орех? Вздумали квохтать, как перепелка из холодильника в супермаркете?

Но этим Лукрецию не проймешь.

– Дайте мне еще немного времени. Это непростое дело.

– Сколько?

– Неделю.

Кристиана Тенардье чиркает спичкой о свою подошву и раскуривает грозившую потухнуть сигару.

– У вас пять дней, не больше и не меньше.

Шикарно! Хватит и трех.

– И не забудьте, что ваше место у нас в редакции висит на волоске. Безработных журналистов пруд пруди, как и желающих занять ваше место. Все это усердные, серьезные люди, способные добывать неопровержимые доказательства.

Лукреция готова сгрести все ее сигары и запихнуть ей в глотку.

Она уверенно кивает.

– Конечно, я понимаю.

– Я жду эксклюзива! Сказано вам, я хочу удивиться. Уравнение проще простого: либо успех, либо на выход. Третьего не дано. Улавливаете?

Лукреция Немрод сжимает кулаки, представляя разные способы сократить земные дни начальницы, один другого экзотичнее.

– Кстати, мне просто любопытно: кажется, вы побывали в Театре Дариуса. Кто выиграл в турнире Лиги импровизации, китаянка?

Не надо ее недооценивать. Она все слышит, много знает, она в курсе всего происходящего. Неумение писать еще не неумение наблюдать.

– Она самая, китаянка.

– Красивая?

– Почему вы спрашиваете?

– У меня своя теория: функция создает орган. Отсутствие

функции приводит к атрофии органа. Остроумными бывают только дурнушки. Потому что иначе им нельзя.

Глядя, как начальница сгибается пополам от смеха, Лукреция Немрод убеждается, что смех может быть ужасно неуместным.

– Представьте, эта китаяночка и красива, и остроумна, – отвечает она. – Она очаровательна!

1268 г. до н. э.

Северный Китай. Царство Шан, ныне провинция Хэнань.

21-й правитель династии Шан в нетерпении ждал прибытия своей армии.

Генерал, командовавший войсками в войне с враждебным царством Туфан, вошел, опустился на одно колено и доложил:

– Победа осталась за нами, о повелитель.

Правитель облегченно перевел дух.

– Bravo, генерал.

Военачальник снял шлем и потрянул длинными волнистыми волосами. Это была принцесса Фу Хао, фаворитка правителя У Дина из его гарема.

Он вспоминал, как сам громил племена И, Ба и Куан, возглавив 5-тысячную армию. Но принцесса Фу Хао настояла, что сама поведет армию на войну с правителем Туфана. У Дин не сомневался, что она потерпит неудачу, но был так впечатлен волей и решимостью молодой женщины, что подчинил армию ей.

Никогда еще на женщину не возлагалось такой ответственности.

Принцесса-воительница сняла с плеча суму и возложила к ногам своего властелина шар, оказавшийся головой прави-

теля Туфана.

– Вся вражеская армия уничтожена, все их города захвачены, о повелитель, – доложила она.

– Не думал, что ты добьешься успеха, – признался он.

Правитель У Дин знал, с кем имеет дело. Фу Хао была жестокой, властной, тираничной. Он наблюдал, как она командовала войсками, издавая крики нетерпения, как казнила командиров, которых сочла неумелыми.

– Хочу просить тебя о милости, о великий.

– Говори.

– Хочу, чтобы никто не забывал, что победу в величайшей войне Шана одержала женщина.

Он встал и поправил меч на поясе.

– Не тревожься, я велю это провозгласить.

– Нет, о повелитель, я хочу не только провозглашения этого подвига. Пусть он будет записан во всех подробностях с моих слов.

– Это лишнее, все и так узнают.

– Все в этом поколении, но следующее забудет. Никто уже не сможет поверить, что женщина привела армию из одних мужчин к победе.

Правитель усадил ее.

– Я не шучу, о повелитель. Хочу, чтобы ты вызвал писца. Я продиктую ему подробности нашей великой победы.

Правитель У Дин трижды хлопнул в ладоши. Прибежавший писец поприветствовал своего повелителя, как должно.

– Писец! Записывай приключения...

– Подвиги, – поправила она.

– Извини, подвиги принцессы.

– Правительницы.

– ...правительницы Фу Хао против армии...

Он взгляделся в застывшую гримасу на лице мертвого вражеского правителя.

– ...против армии Туфана.

– Их было восемь тысяч. Отметь численное превосходство неприятеля, – потребовала правительница.

Писец поклонился, вооружился заточенным обрезком камышового стебля, обмакнул его в чернила осьминога и стал записывать рассказ правительницы.

Потом по приказу Фу Хао всех пленных построили во дворе дворца, и жрецы, вооруженные мечами, принялись приносить их одного за другим в жертву великому божеству Сан Ди, что значит «Высочайший». Их кровь собирали в сосуды, которые выстраивали здесь же.

Собравшаяся толпа приветствовала каждую казнь аплодисментами.

– Ты хочешь убить всех пленных? – спросил правитель У Дин правительницу Фу Хао. – Можно было бы использовать их как слуг.

– Я женщина. Солдаты не должны считать меня слишком мягкосердечной. Для сплочения нашей армии важно показать, что я не уступаю суровостью мужчинам.

Вздых У Дина не был вздохом облегчения. Вопли обреченных сопровождалась криками толпы.

Правительница повернулась к писцу:

– Все началось на рассвете. Наши войска построились на холме над долиной. Накануне я сама провела разведку. Земля была жирной.

Писец стремительно строчил.

– Всадников я приказала поставить позади...

Правитель поманил своего главного придворного и спросил его на ухо:

– Что ты обо всем этом думаешь, Ли?

– Правительница Фу Хао – великая военачальница и великая жрица, а теперь и великая писательница. О сражении узнает весь мир, победа царства Шан над царством Туфан навечно останется в памяти.

– Довольно, я спрашиваю тебя не об официальной версии, мне интересно твое собственное мнение.

– Правительница Фу Хао – само совершенство. Тебе очень повезло, о повелитель.

– Говори правду, Ли.

– Сказать вам правду – значит рискнуть жизнью.

– Значит, ты думаешь, что...

– Нет, о повелитель, я никогда не осмелюсь...

– А ты осмелся! Это приказ.

Снаружи снова донеслись вопли обреченных и крики толпы. Правительница продолжала диктовать писцу.

– Что ж, я думаю...

– Правду, Ли! Можешь сказать мне что хочешь, но я требую правды.

На лбу придворного выступили крупные капли пота.

– Я думаю... думаю, в паре женщина – вы, а мужчиной стала она.

Правитель удивленно уставился на собеседника, тот низко поклонился, не скрывая страха.

Правитель расхохотался.

– Она мужчина, а я женщина!

Хохот правителя У Дина стал так громок, что правительница Фу Хао прервала диктовку.

– Что тебя так рассмешило, о повелитель?

В последующие дни главного придворного подвергли страшной казни. Из южных провинций вызвали особого палача и повелели ему содрать с преступника всю кожу мелкими лоскутами.

Так, своеобразным образом, придворный по имени Ли Кван Юизобрел принцип придворного шутовства.

При дворе царства Шан эта первая попытка не получила продолжения. Прошло много времени, прежде чем кто-то в Китае снова рискнул шутить на такие темы.

Что до династии Шан, то, невзирая на первые победы, впоследствии она стала терпеть поражение за поражением. Царство неуклонно сжималось, пока не было уничтожено династией Чжоу. Но история с «шуткой придворного Ли»

сохранилась в памяти, в отличие от самой династии Шан, ее правителей и правительниц. Это доказывает, что удачные шутки порой оказываются долговечнее памяти о властелинах.

Большая книга смеха. Источник: GLH.

В центре бассейна – остров, на острове железная дверь. Она со скрипом приоткрывается, из щели появляется голова.

– Тук-тук! – заявляет о себе Лукреция. – Никто не отвечал, люк был не заперт, вот я и позволила себе войти... Я вас не потревожила?

Исидор Каценберг сохраняет позу лотоса – скрещенные ноги, прямая спина, полужакрытые глаза, под задом шелковая подушка цвета фуксии. Лицо бесстрастно. Он похож на Будду, и если бы не чуть заметное колыхание кимоно, то можно было бы подумать, что он не дышит.

– Если потревожила, так и скажите.

На ней платье с белыми цветами на сиреновом фоне, на шее ожерелье в виде китайского дракона, изумрудного, как ее глаза.

Она покидает остров по мостику из бамбука и лиан.

Исидор Каценберг так и не пошевелился.

Дельфины и акула и те не высовываются из бассейна – знают, должно быть, что нельзя тревожить хозяина во время медитации.

Покружив вокруг него и убедившись, что он скорее жив, молодая журналистка садится напротив.

Достав брелок, она извлекает из него неподражаемый смех испуганной девы. Но Исидору хоть бы что.

– Не спешите, Исидор. Предупредите, когда закончится ваша гимнастика.

Неподвижность длится еще полчаса.

Она использует это время, чтобы порыться в его библиотеке, а главное, еще раз изучить его Дерево возможностей – огромную схему с трепещущими, как листочки, записками – вариантами человеческого будущего.

Она обращает внимание на новые листья на ветвях дерева. Он оставил компьютер включенным на сайте www.arbredespossibles.com. Добавлять варианты к своему дереву он начинает в интернете, очередь схемы на ватмане наступает потом.

Лукреция Немрод приглядывается к новым листочкам, имеющим одно общее – слово «если».

«Если всю поверхность планеты укутает снег».

«Если из-за роста температур вода станет такой редкостью, что за доступ в последний оазис будет драка».

«Если бы на всей планете была общая обязательная религия».

«Если банды вооруженных хулиганов завладеют целыми областями и полиция не сможет с ними справиться».

«Если изменится гравитация планеты, и каждый шаг утяжелится».

«Если исчезнут все дикие виды»...

Лукреции Немрод понимает, что эти мрачные варианты будущего придуманы в состоянии удрученности. Есть и дру-

гие, не столь пессимистические.

«Если на Земле останутся одни женщины».

«Если отказаться от роста экономики».

«Если обуздать демографический рост».

«Если учредить мировое правительство, которое не позволяло бы появляться диктаторам и гарантировало бы равное распределение богатства».

Она снова садится перед хозяином водокачки и наблюдает за ним. Его дыхание замедленно, почти незаметно.

Какой у него красивый рот!

Исидор Каценберг открывает глаза, встает, не здороваясь с гостьей, наливает себе чашку обжигающего чая, нюхает, пьет мелким глоточками с большим удовольствием.

– Исидор, вы должны...

– Вон!

– Но...

– Кажется, я ясно выразился. Не имею ни малейшего желания вести вместе с вами расследование.

– Есть новости, Исидор.

Лукреция Немрод скороговоркой рассказывает Исидору Каценбергу о состоянии своего расследования.

– Теперь у меня есть подозреваемые.

Он не отвечает.

– Спросите, кто они? Во-первых, Стефан Крауз, первый продюсер Дариуса. Во-вторых, Феликс Четтэм, новый комик номер один. В-третьих, Себастьян Долин, комик, которому

досталось от Дариуса сильнее всего. Из-за него у Долина теперь нулевая позиция.

Кажется, что Исидор Каценберг ее не слушает. Он достает из холодильника огромный говяжий бок и бросает Жоржу, своей акуле, которая яростно кидается на мясо.

Она наливает себе чай и, отхлебнув, продолжает:

– Я серьезно, Исидор, это дело разрастается на глазах, одна я с ним не справлюсь, без вас я как без рук.

– А мне вы не нужны.

– По-прежнему не хотите мне помогать?

– Нет.

– Тенардые предупредила, что неудача будет стоить мне места.

– Какая неприятность!

Для такого характера нужны особо тонкие отмычки.

– Сыграем еще раз в «три камешка». Если я выиграю, вы мне поможете.

Он колеблется, с сомнением глядя на нее. Страсть к игре берет верх, он пожимает плечами и покорно вздыхает.

– Ладно, давайте.

– Расследовать?

– Нет, доверим решение о моем участии в расследовании игре в «три камешка».

Он показывает на коробок спичек. Она берет три штуки, он тоже. Он вытягивает сжатый кулак.

– Три, – говорит она.

– Одна.

Она разжимает ладонь с одной спичкой.

Он разжимает свою, пустую.

Он выигрывает.

Еще раз.

И еще.

Она – ни разу.

– Как все-таки у вас это получается, Исидор?

– Практиковали бы смирение – были бы непредсказуемой и могли бы выигрывать.

Он действует мне на нервы.

Он кидает спички на пол. Она подбирает их, складывает в коробок и прячет в ящик.

– Помогите мне, ну хоть капельку! Подскажите дорогу, угол зрения, подход.

Он мнетя, потом бурчит:

– В прошлый раз я вам уже подсказал: вернитесь в историю, проследите, как рождался юмор. Вы это сделали?

– Дело в том, что я думала, что расследование преступления начинается с...

Она прикусывает язык.

– Видите, вы меня не слушаете. Зачем вам тогда советы?

– Пока что я иду классическим путем: патологоанатом, семья, подозреваемые. Потом я возьмусь за психологическую и научную стороны вопроса.

Исидор Каценберг кидает в бассейн селедки, его дельфи-

ны ловят угощение на лету.

– Вы заблуждаетесь, но... Памятуя былые наши приключения, я готов немного помочь в вашем классическом, как вы говорите, расследовании.

Так-то лучше! Спасибо, спасибо, спасибо!

Он бросает последнюю селедку и манит Лукрецию к своему письменному столу, к ноутбуку.

– Что сказал вам последний подозреваемый?

– Это тот, кого предпоследний назвал «комиком под нулевым номером», Себастьян Долин. Он посоветовал мне побывать в Театре Дариуса.

– Его вы по крайней мере послушались?

– А как же! Я присутствовала на соревновании молодых учеников Школы смеха. Они состязались в импровизации.

– Ну и как вам?

Он наливает себе еще ароматного чая, не предлагая гостю.

– Выше всяких похвал! Перед их состязанием Дариуса воспевал Тадеуш, его брат.

– Что вы увидели? – нетерпеливо спрашивает научный журналист.

– Все, что я увидела, – место, где поощряют молодежное творчество. Я слышала слова признательности великому профессионалу, Дариусу. Его по-прежнему любят, им по-прежнему восхищаются, он продолжает вдохновлять новые таланты.

Осмелевшая Лукреция наливает себе чаю.

Исидор, поразмыслив, включает экран ноутбука.

– По-моему, надо продолжать копать в Театре Дариуса. Раз Себастьян Долин вас туда послал, значит, у него есть на то причины. Больше внимания к знакам.

– Он комик-неудачник, обозленный пьяница, завистник, мечтающий о мести. Он разговаривал со мной в полувменяемом состоянии.

– Тем более надо было прислушаться к его словам. Алкоголь снимает зажатость и выявляет истинные намерения. По-моему, он заслуживает доверия. Театр Дариуса, «выявляющий юные комические таланты», – первая кажущаяся мне многообещающей ниточка.

Лукреция Немрод недоуменно молчит.

– Вам кажется, что без помощи вы ничего не добьетесь, – продолжает Исидор. – Помогая, я на самом деле только мешаю вам нащупать ваш собственный стиль расследования.

На ее лице появляется упрямое выражение.

Мужчина в кимоно запускает программу просмотра изображений со спутника, укрупняет масштаб. На экране Театр Дариуса. Он переходит в режим 3D, включает StreetView и изучает здание во всех ракурсах. На экране фасад театра, потом соседние стены.

Внезапно он останавливает изображение и начинает масштабировать детали.

– Полюбуйтесь вот на это. Необычно!

Она приглядывается.

– Надпись «Выходной – понедельник». То же самое написано на их сайте.

– Что с того? В понедельник вечером все театры закрыты. Что в этом необычного?

Исидор Каценберг сохраняет некоторые снимки из интернета в памяти компьютера, пробует попеременно дневной и ночной режим.

– Посмотрите, когда сделан этот снимок.

– В понедельник, в 23.58.

– Театр закрыт, но во всех окнах горит свет. Вас это не настораживает?

– Бухгалтеры, наверное.

– Во всех окнах?

– Значит, в разгаре уборка. Уборщицы любят включать весь свет.

Он запускает программу за программой, переписывает фотографии, собирая их в папку «Расследование «Дариус»». Потом на экране возникает график с цифрами.

– Это потребление электричества в Театре Дариуса. В понедельник в полночь все горит. Все работает. Можно подумать, идет спектакль. Но официально все закрыто.

– Частные вечеринки? Может, зал сдают для мероприятий?

Исидора это не убеждает.

– Смотрите, я подключаюсь к городским камерам видео-

наблюдения. Видите? Входная дверь заперта, но во двор заезжают машины.

– Какие у вас догадки, Исидор?

– В понедельник, день, который вы считаете выходным, там происходит что-то таинственное и любопытное. Съезжаются богатые люди – машины у них сплошь шикарные лимузины. Дорогая Лукреция, если хотите более конкретный совет, чем в прошлый раз, то он таков: отправляйтесь туда вечером в понедельник и разберитесь, что за неофициальные дела там творятся.

– Это весь ваш совет?

Он рывком встает.

– Не выводите меня из себя, Лукреция! Не я к вам пришел, а вы ко мне. Я пошел вам навстречу, ответил на ваш вопрос, но вы не способны его оценить. Сами не знаете, чего хотите! О чем-то просите, получаете, что просили, но, видите ли, недовольны!

Он прав: я не знаю, чего хочу. Вот пусть и поможет выяснить, чего мне не хватает. Чувствую, он знает...

– Зря я вам уступил.

Он подходит к ней вплотную и говорит прямо в лицо:

– Вы избалованный капризный ребенок, вот и все. Убирайтесь!

Я свободная женщина.

– Я не ваш отец и не психоаналитик. Узнайте, что там делается в понедельник в полночь, больше ничего не стану вам

подсказывать.

Напряженно глядя на него, она выпаливает:

– Почему вы мне так необходимы?

– Потому что вы лишены того, в чем заключается моя сила: женской интуиции.

Он уже выключил компьютер и повернулся к ней спиной.

– Ну и пожалуйста! – зло выкрикивает она. – У вас она есть, у меня нет. Так научите! Объясните, как обзавестись этой самой «женской интуицией», будь она неладна!

Он оборачивается.

– Очень просто. Подключитесь к своему «глубинному я», свободному от всех влияний и улавливающему все детали и знаки, незаметные для остальных. С его помощью я уловил беспорядок. Отправляйтесь в Театр Дариуса в полночь понедельника. Это все.

Судя по громкому плеску, один из дельфинов занялся акробатикой.

Она набирает в легкие воздух и выдает тираду:

– Жаль, Исидор, я была о вас лучшего мнения. Вы только изображаете всезнайку, а на самом деле вы – засевший в башне из слоновой кости человек из прошлого, оторвавшийся от жизни, хоть и воображающий, что все постиг. Обещаю больше вас не беспокоить.

Он раздевается, прыгает в воду и плавает с дельфинами, не обращая на нее никакого внимания.

Несколько секунд она наблюдает за ним, потом пробегает

по мостику и вылетает в дверь.

Вот, значит, в чем состоит его фокус: слышать одного себя, не поддаваясь ничьему влиянию. Даже своему собственному!

«Разговор верблюдицы и верблюжонка:

– Мама, почему у меня такие огромные трехпалые ноги?

– Чтобы не вязнуть в песке, когда ты пересекаешь огромную пустыню.

– Понятно.

Немного погодя малыш спрашивает:

– Мама, почему у меня такие длинные ресницы?

– Они защищают твои глазки от песка.

– Понятно.

И снова:

– А этот горб на спине зачем?

Матери надоели все эти вопросы.

– В нем накапливается вода для наших длинных переходов через пустыню. Благодаря ему можно десятки дней обходиться без питья.

– Если я правильно понял, мама, большие ноги – чтобы не вязнуть в песке, длинные ресницы – чтобы песок не попадал в глаза, горб на спине – чтобы сберечь воду для долгих переходов через пустыню... Но ответь мне тогда, мама...

– Спрашивай, малыш.

– Что мы в таком случае делаем здесь, в Венсенском зоопарке?»

Из скетча Дариуса Возняка «Друзья наши звери».

Научная журналистка из «Геттёр Модерн» подготовилась по всем правилам. На ней черная кожаная курточка, черные лосины для бега трусцой, черная шапочка, ботинки на нескользкой подошве, за спиной рюкзак.

На календаре понедельник, время позднее: стрелка миновала 23.30.

Она разглядывает маленький Театр Дариуса, устроившись на террасе ближайшего кафе.

Пока что все выглядит безмятежно. Фасад театра тонет в темноте, двери закрыты, на улице ни души.

Ну, не дура ли я, что поверила?

Исидор – это вчерашний день, он пыжится и изрекает громкие фразы, но на самом деле он – пустое место. «Женская интуиция» у него, скажите пожалуйста... Залез на свою водокачку и отрезал себя от мира: ничего не знает, ничего не видит, ничего не понимает, только притворяется.

Наконец справа от нее появляется стайка студенток, они курят и смеются.

Она вспоминает себя в их возрасте, в день, когда она простилась с приютом. По чистой случайности это произошло 1 апреля.

Проклятое 1 апреля.

Ей было 18 лет. Перед воротами курили и болтали пятеро.

Все девушки знали, что это сутенеры.

Как гиены, караулящие на опушке джунглей новорожденных газелей.

Приют совершенно не заботился о дальнейшей судьбе своих воспитанниц. Девушка выходила за ворота с чемоданчиком и с пятью сотнями евро, не зная, где приклонить голову.

Спрос рождает предложение. Перед благородным учреждением постепенно образовалась особая фауна, перерабатывавшая эти «отбросы общества».

На первые несколько ночей доброхоты предоставляли девушкам места в дешевом отеле и дешевую еду. Дальше, по логике вещей, следовал ночной клуб.

Сиротки коротали первую ночь в отеле с циничным названием «Убежище», утоляли голод в дешевом ресторанчике «Оазис». Там им, как правило, предлагали места официанток, а потом звали танцевать в ночной клуб «Черный филин».

Собственно, путь, пройденный матерью Дариуса, не так уж отличался от траектории, предлагаемой девушкам из приюта.

Потом сутенеры и наркоторговцы делили жертвы. Вторые орудовали первыми: они соблазняли бедняжек и накачивали наркотиками, чтобы было проще их контролировать и сдавать на руки сутенерам. Лукреция тоже переночевала в «Убежище» и поела в «Оазисе», но потом свернула в сторо-

ну. Вместо того чтобы пойти в официантки, она своротила скулу хозяину ресторана. Вместо того чтобы начать танцевать в «Черном филине», она сломала руку вышибале и подожгла ночной клуб. Проституткой она тоже не стала, показав нос сутенеру, предлагавшему работу из желания ей «помочь».

После чего пошла ночевать под мостом.

У нее составилась план профессионального роста.

Главное – независимость. Если уж трудиться, то на саму себя.

Сначала она шарила по карманам, потом отнимала сумочки, потом занялась квартирными кражами.

Юная Лукреция работала по ночам, обчищая отдельно стоящие виллы и замки. Ее черный рабочий костюм был чрезвычайно удобным. Она определяла, куда залезть, по количеству рекламных проспектов в почтовых ящиках, по пыли на пороге, по закрытым ставням. Она научилась отключать сигнализацию. Она влезала в окна и забирала предметы, которые легко могла продать знакомой антикварше, скупщице краденого. Та, 80-летняя старуха, ценя способности подопечной и заботясь о ее совершенствовании, обучила ее благородному ремеслу взламывания сейфов. «Любой сейф – человеческое изобретение. Пойми изобретателя – и ты поймешь механизм. Представь, что сейф – это мозг человека, подлежащий дешифровке, и мысленно подбирай отмычку, пока не поймешь механизм запора. После этого отпереть его

– чистая формальность».

Очарованная этой логикой, она превратилась в специалистку по вскрытию самых сложных сейфов. Она научилась находить их за картинами, фальшивыми перегородками, резными шкафами. Научилась подбирать отмычки для самых несговорчивых запоров.

В конце концов она купила квартирку-студию в Самбре и повела почти нормальную жизнь. Она считала себя «независимой ремесленницей», оптовым продавцом подержанных вещей.

Карьеру юной Лукреции прервала одна неприятность. В процессе ограбления пустой по всем признакам виллы она наткнулась на владельца, которому вздумалось провести эту ночь у себя дома.

Он был тщедушен, она одолела бы его без всякого труда, но он предложил поговорить: его, дескать, мучает бессонница, и этот ночной визит ему даже на руку.

Лукреция растерялась. Когда прошел первый страх, ситуация показалась ей даже забавной. Чувствуя, что ей ничего не угрожает, она согласилась сесть.

Человек в пижаме поведал, что занимается делом, которое раньше его воодушевляло, а теперь наскучило своим однообразием.

Он оказался главным редактором местной ежедневной газеты.

Они проговорили всю ночь.

Он рассказал, каким видит свое ремесло, где раньше задавали тон люди, со страстью преданные делу информирования, а теперь возобладали сынки и дочери, бластные, лентяи, циники и профаны.

Человек в пижаме разочаровался в деле всей своей жизни.

Он объяснил, что нынешняя журналистика сродни чиновничеству. Профессия никем не контролируется, журналисты плетут невесть что, не боясь, что их бредни проверят, охотно поддаются влиянию, об этике никто не вспоминает, о морали и подавно.

Хозяина виллы звали Жан Франсис Эльд. Когда-то он был военным репортером журнала «Геттёр Модерн». Ему светило место заведующего редакцией, но его подсидела интриганка, некая Кристиана Тенардь. Он удалился в провинцию и стал главным редактором газеты «Пароль дю Нор». Но, уже не веря в свою профессию, испытывая отвращение к нечистоплотности коллег, он считал дни перед выходом на пенсию.

Он угостил ее сливовой наливкой и осведомился, каким она представляет свое собственное будущее.

Почему-то он вызвал у нее доверие. Решив выложить на стол все карты, она рассказала ему про приют, бродяжничество, грабежи. По мнению человека в пижаме, она, по крайней мере, не ведала страха – важное и притом редкое достоинство в его пропащем ремесле.

Последовал вопрос, не желает ли она поработать у него.

По его мнению, у успешной грабительницы было не меньше шансов превратиться в хорошую журналистку, чем у любого выпускника университета. «Перо – чепуха, главное уметь находить информацию», – уверял он ее. В случае ее согласия работать в газете он брался научить ее писать статьи и фотографировать.

– Мне никогда не научиться писать статьи!

– Это любому по плечу. Все очень просто, главное – следовать правилу пяти W: Who? What? When? Where? Why?¹⁴ Ты задаешься вопросом: «Что произошло ночью 5 декабря на улице Акаций?» Дальше вводишь действующее лицо: «Возможно, об этом известно мэру Камбре». Ну и даешь свои ответы на все пять вопросов: «Дело в том, что именно тогда...» и так далее. В конце ты можешь задать новый вопрос: «Разве все это не сводится к общественным деньгам?» Так или иначе, все всегда сводится к ним, родным. Разоблачение местных властей нравится читателям.

– И все?

– Чего же еще? Увидишь, даже если ты станешь работать задней левой, этого будет вполне достаточно. В королевстве слепцов кривые – короли. А уж зрячие...

Она доверила свою судьбу монетке. Решка – быть ей журналисткой, орел – оставаться в грабительницах. Монетка зависла в воздухе и долго не падала. Назавтра Жан Франсис Эльд принял ее на работу в газету северного города Камбре

¹⁴ «Кто? Что? Когда? Где? Почему?» (англ.).

«Пароль дю Нор», в рубрику «Из жизни». Лукреция стала с жадностью набираться опыта.

Она обожала расследовать, писать, фотографировать. Ей было любопытно буквально все.

За несколько месяцев она выросла в важную фигуру местного масштаба. В отличие от других местных журналистов, смотревших в рот чиновникам мэрии, Лукреция сама шевелила мозгами, лезла в самые дебри и в конце концов добывала сенсацию.

Ее любимым жанром стали уголовные расследования. Она сама раскрыла два убийства, о которые обломала зубы полиция.

Она разоблачила коррупционный заговор на муниципальном уровне.

Она выводила на чистую воду предприятия, загрязнявшие все вокруг, хватала за шкуру мошенников, привлекала внимание к несправедливостям и к их жертвам.

– Ты превзошла мои ожидания, – похвалил ее Жан Франсис Эльд. – Но не путай журналистику и охрану порядка. Последнее не твоя задача. Мне уже жалуются. Если суешь нос в дела сильных мира сего, даже местного пошиба, если высмеиваешь их – жди расплаты.

Молодая Лукреция сделала вид, что не поняла. Пришлось Жану Франсису Эльду расставить точки над «i». Один из «героев» безжалостных статей Лукреции, друг хозяев газеты, потребовал ее немедленного увольнения.

– Я слишком горд тем, что тебя откопал, – продолжил главред, – чтобы бросить тебя на произвол судьбы. Держи письмо и отправляйся в редакцию «Геттёр Модерн», оно откроет тебе ее двери.

И добавил со значением:

– Доберешься до вершины – не останавливайся, лезь дальше.

Рекомендательное письмо сработало. Лукрецию Немрод приняли на испытательный срок, стажеркой-внештатницей, в редакцию «Общество», в отдел «Наука» – на единственное в тот момент вакантное место.

Наука ее совершенно не интересовала, но она сказала себе: «Я должна оправдать доверие Жана Франсиса Эльда».

Так все началось. Потому она и очутилась глубокой ночью перед темным театральным фасадом.

Она медленно пьет крепкий кофе.

Внезапно ее внимание привлекает кое-что новенькое.

Мимо Театра Дариуса медленно следуют один за другим роскошные автомобили, сворачивая в соседнюю улочку.

Она смотрит на часы: без пяти минут полночь. Она расплачивается, берет рюкзачок, выходит на улицу и идет к машинам.

Все они, как оказывается, заезжают через служебные ворота во двор.

Из нескольких десятков лимузинов выходят люди в вечерних нарядах и исчезают в освещенной двери.

То ли частная вечеринка, то ли праздник в честь дня рождения компании.

Но люди, входящие в театр со двора, не похожи ни на чинные семейства, ни на сотрудников компании.

Это мужчины в смокингах под руку с молодыми женщинами в вечерних платьях.

Их пропускает охрана в розовых костюмах.

Лукреция Немрод понимает, что ей не проникнуть внутрь без приглашения, и идет своим путем – через крышу.

Она лезет вверх по водосточной трубе, добирается до балкона, перепрыгивает с крыши на крышу. Так она оказывается на куполе Тетра Дариуса и, озаряемая луной, крадется по железным листам, испытывая не меньше удовольствия, чем кошка, гуляющая на бархатных лапах над головами людей.

Добравшись до откидного окна, она легко справляется с замком и проникает внутрь театра.

Там она блуждает по верхним ярусам, прежде чем притаиться над сценой, среди хаоса стальных конструкций.

Ей все видно, сама же она почти невидима.

В телеобъектив своей камеры «Никон» с фокусным расстоянием 200 мм она изучает лица людей в зале. Мест там с полтысячи, зрителей две-три сотни.

Внезапно сцену-ринг озаряют прожектора.

Посреди ринга стоят два кресла. Над ними висит телеэкран.

В центр выходит Тадеуш Возняк с микрофоном.

– Вот и настал момент общего сбора. Это лучше петушиных боев, лучше бокса, лучше казино, лучше скачек, лучше покера. Начинается Игра с большой буквы, зрелище не для слабонервных, машина по выжиманию истинных эмоций. Великий Турнир ПЗПП. Это значит «Первый Засмеявшийся Получает Пулю». Пулю калибра 22, всаженную в упор, в затылок, из пистолета «Бенелли» МР 95Е. Такова будет участь проигравшего.

Взрыв нервных аплодисментов.

– Что до выигрыша, то это не 1000, не 10 000, не 100 000, а целый миллион, да, я не оговорился: тот, чья шутка вызовет смех в правильный момент, получит миллион евро.

Овация взбудораженного зала, скандирующего:

– П-З-П-П! П-З-П-П! П-З-П-П!

– Итак, миллион евро наличными или кусок свинца? Что выберут наши дуэлянты?

Лукреция забивается в тесную нишу и настраивает камеру, максимально раскрывая диафрагму.

Исидор оказался прав. Он вымотал мне все нервы. Тем хуже – и тем лучше. Тенардьё захотелось жареного? Что ж, она получит желаемое, и даже с хрустящей корочкой!

Тадеуш Возняк в идеально сидящем розовом костюме умиротворяет зрителей мановением руки.

– Дамы и господа, сегодня нас ждут три дуэли ПЗПП. Представляю участников первой. Встречайте Ин Ми, свежую победительницу «официального» представления Лиги

импровизации.

На ринг выходит первая участница. Она в халате с поднятым капюшоном, на лице маска.

Надо же, они скрывают лица...

– Ин Ми прозвали Пурпурным Тарантулом. Попрошу аплодисменты!

Ин Ми сбрасывает капюшон и вскидывает в знак приветствия руку.

Появляется вторая фигура, почти такая же тщедушная, с торчащим над маской чубом.

– Она сразится с Аргусом, Белозубым Палачом.

Аргус задирает руки с победно выпяченными пальцами и показывает зубы, как готовый укусить хищник.

– Аргус, что ты купишь на миллион евро?

– Этот театр!

В зале смешки.

– Замечательно, уже забавно. Мы в предвкушении. А ты, Ин Ми, что купишь на свой миллион ты?

– Ресторан для моей семьи. Будем готовить суши.

– Суши – японское, а не китайское блюдо.

– Много вы знаете японских ресторанов, принадлежащих японцам?

Снова смех.

– Рассмешила! Bravo! Делайте ваши ставки. Их принимают наши миленькие хостес, Дариус-гёлз.

По рядам снуют полуодетые девицы с корзинками, похо-

жие на продавщиц сладостей. Из рук в руки передаются пачки сотенных купюр, взамен игроки получают розовые жетоны. Загорается огромный экран, на нем цифры и лица двух дуэлянтов в масках.

Не иначе, суммы ставок.

– Представление ПЗПП начинается! – провозглашает Тадеуш.

Звенит колокольчик – сигнал, что прием ставок завершен, пятна света на ринге становятся ярче. Дуэлянтов ставят в центр ринга, Тадеуш предлагает им пожать друг другу руки.

– Ваш выбор? – обращается он к ним.

– Черная, – говорит Артус.

– Белая, – говорит Ин Ми.

Она запускает руку в мешок и достает белую фишку. Начать выпало ей.

Они садятся в свои кресла, две девицы в ритуальных одежаниях связывают им руки кожаными ремнями, лишая способности шевелиться.

Затем девицы отступают к треногам с пистолетами, дула которых приставлены к затылкам дуэлянтов. Взведенные курки обоих пистолетов соединены проводами с маленькими приборами.

Ассистенты крепят датчики к сердцу, горлу, животу обоих.

Лукреция перестает дышать. Ее мозг отказывается верить в то, что видят глаза.

– Напоминаю правила игры ПЗПП. Дуэлянты по очереди рассказывают анекдоты. Один говорит, другой слушает. Датчики, соединенные с гальванометром, фиксируют колебания электрического сопротивления. Шкала проградуирована от 1 до 20. Если показания достигают 19, что соответствует взрыву хохота, срабатывает курок. Вызвавший смех живет, а тот, кто не удержался от смеха, умирает.

Зал гудит от нетерпения.

Изображение на экране меняется: теперь под каждым лицом в маске горят цифры, указывающие электрическое сопротивление.

К дулу пистолета прикреплен микрофон.

По сигналу Ин Ми рассказывает первый анекдот – про сексуальную прыть кроликов.

Цифры под лицом Артуса меняются, но несильно, до 11 из 20, что свидетельствует, что шутка ему знакома и он не считает ее смешной.

В ответ он шутит на тему регистра проституток, достигая чуть более отчетливого эффекта – 13 из 20.

Дуэлянты меряют друг друга взглядами.

Шутка про лесбиянок против шутки про бельгийцев. Фекальная шутка против бессмыслицы в английском духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.